

К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Т.В. ЧУРИЛИНА

А.М. Мурзаев
A.M. Mirzayev

**ТИХОН ЧУРИЛИН И ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ
(К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИЯХ, ОТТАЛКИВАНИЯХ
И ПРОТИВОСТОЯНИЯХ)**

**TIKHON CHURILIN AND VLADIMIR MAYAKOVSKY
(TO THE QUESTION OF INFLUENCES, REPULSIONS
AND OPPOSITIONS)**

Предметом аналитического рассмотрения в статье является процесс постижения Т. Чурилинным масштабов личности и творчества В. Маяковского, осуществлявшийся под знаком увлеченности Чурилина поэтическим миром В. Хлебникова. К исследованию привлекаются художественные произведения, статьи, а также свидетельства из опубликованных и неопубликованных мемуарных источников, базирующиеся на концептуальном осмыслении Чурилинным этапов собственной творческой биографии.

Ключевые слова: Т. Чурилин, В. Маяковский, В. Хлебников, «Весна после смерти», мемуары.

Subject of analytical consideration in article is Churilin's comprehension process of the scales of the personality and creativity of V. Mayakovsky's which was carried out under Churilin's enthusiasm for the poetic world of V. Khlebnikov.

Works of art, articles and evidences from published and unpublished memoirs sources basing on conceptual Churilin's judgment of his own creative biography stages are involved in this research.

Key words: T. Churilin, V. Mayakovsky, V. Khlebnikov, "Spring after death", memoirs.

Среди малоизвестных или хорошо забытых поэтов и писателей Серебряного века творчество Тихона Чурилина представляется наименее ординарным и в то же время отличающимся наибольшей степенью «неписываемости» в литературный контекст эпохи. Жизнь его, вполне типичная для талантливого провинциального юноши, наделенного пытливым умом и необычайно развитым воображением, впоследствии выбилась из всех привычных схем и вывела поэта на путь, не только гибелью грозивший, но и абсолютно непредсказуемый.

Надо сказать, первые его стихи еще не содержали в себе почти ничего, позволяющего понять, что позднее так удивляло/восхищало/поражало в чурилинском творчестве Николая Гумилева, Марину Цветаеву, Софию Парнок, Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама, Бориса Садовского, Владимира Маяковского, Николая Асеева, Григория Петникова и других известных – и очень разных – поэтов.

Маяковского и Чурилина объединяла и связывала друг с другом, прежде всего, фигура Хлебникова – общего соратника и учителя. Только для первого это «учительство»

было чисто декларативным, заявленным, по сути, лишь в знаменитом «хлебниковском» некрологе⁶, а второй считал себя правоверным учеником и последователем Будетлянина, о чем высказывался неоднократно и недвусмысленно.

И на Владимира Владимировича Чурилин смотрел сквозь «призму» Виктора Владимировича, которого узнал раньше, чем Маяковского, в 1913-м. Однако за воспоминания об обоих своих главных наставниках в поэзии Чурилин садится только в 1930-е годы, продолжая переделывать и переписывать их и в 1940-е. Начинаются его мемуары с 1912 года – времени, к которому относится знакомство, перешедшее вскоре в близкое приятельство и сотрудничество, – с Михаилом Ларионовым и Натальей Гончаровой⁷, у которых Чурилин встретился с Хлебниковым: «Первая встреча у моих тогдашних друзей и соратников М.Ф. Ларионова и Н.С. Гончаровой, в Б<ольшом>. Палашовском переулке. Велимир приехал из Петербурга, был молод, студент, красив. На первом вечере у Ларионова он был встречен общим вниманием, стеснившимся на нем и расположившемся вокруг него <...> Хлебников просидел целый вечер в углу, почти неподвижно, молчал, осматривался. Голова его, очень мрачная в тени, была на редкость красива, хороша, не оторвешься. Наталья Сергеевна Гончарова так и не отрывалась от него глазами целый вечер, насмотреться не могла <...>

Второй раз я позвал Хлебникова к себе, я жил тогда в мансарде на Долгоруковской ул<ице> близ Бутырской тюрьмы, а хозяин мой был виноторговец, союзник русского народа, ничего не подозревавший о том, что я был – революционер, подпольщик. <...> Третье свидание было у него. <...> Где он тогда жил, т. е. улицу и дом, не помню – не то Садовая, не то другая⁸. Зато комната как живая: без обоев, вся в свежих сосновых досках, чистая светлая. Стол, кровать, стулья. Ничего на стенах, на столе бумага. Он сидел-писал» [3].

В другой версии воспоминаний Чурилин пишет о встречах с Хлебниковым в 1916 году: в «башне» Самуила Вермеля на Мясницкой, в кафе «Сиу» на Кузнецком мосту, дома у самого Тихона Васильевича. Вот как он описывает одну из встреч, весьма важную для нашей темы:

«И, наконец, помню его приход ко мне в 1916 году. Я занимал большой номер в "Северном Полюсе" по тогдашней Большой Никитской, против консерватории. В этот его приход у меня сидели Шманкевичи, Куфтин, потом пришедший Самвермель. Вошел Велемир с Митрием Петровским, его фактотумом, который водил его на цепи якобы преданности и "дружбы". Разговор шел в ту минуту о Маяковском. Последыши символистов, вернее, "около-проходя-спустя", Шманкевичи и наивный большой ребенок из Уэльсовой "Пищи богов" Куфтин (тогда бывший молодым ученым-антропологом и этнографом) Маяковского "не принимали". Шманкевичи лаяли его, как разъяренные собачки мелкого роста, – Куфтин, серьезно все принимавший к поэтическому любвеобильному сердцу, был слеп и глух, и Маяковского не мог ни видеть, ни слышать – был к нему тугоухим. А я, увыв мне тогда, еще не продирали тоже глаз как щенок – слепой кутенок – на него, поэтому мы все его "отрицали". Я особенно нападал на известное: "Эй, вы, небо, – снимите шляпу!". Я квалифицировал этот выпад, как хулиганство и позу актера для эффекта.

Велемир слушал зорко и остро все, вдруг стал говорить мне: "Нет. Вы не видите его – он громадный, да. Он – поэт огромный, да. Таких еще не было, да, нет таких еще у нас, да.

⁶ Но еще в 1913 году Маяковский писал о В. Хлебникове как о зачинателе «новейшей поэтической эры», а 24 октября 1915 года, по свидетельству самого Хлебникова, назвал его «королем русской поэзии».

⁷ В опубликованном варианте этих воспоминаний Чурилин писал: «Я начинал свою поэтическую карьеру в Москве. В 1912 году дружил с художником М. Ларионовым, Н. Гончаровой» [4, 456].

⁸ В этот период Хлебников жил в Москве в деревянном доме на Малой Никитской.

И нигде – нет". И замолк в протесте глухом и сухом в речи, и страстном – в сути защиты Маяковского.

Он видел-слышал-ценил и любил Маяковского и уже тогда знал его удельный вес и кубатуру его великого дела» [4, 460].

Что же касается восприятия Хлебниковым первой книги Чурилина, то нам его отзывы о «Весне после смерти» не известны. А о том, как относился Будетлянин к самому автору, мы можем судить, в основном, по свидетельствам последнего: «Говорят, он меня не любил тогда, верил в разную легендарную чушь, что крутилась, как пыль, около меня тогда, – но книгу стихов моих "Льву – Барс"⁹ он взял с собой в последнюю поездку в Сантолово¹⁰ <так!>, читал ее и говорил Н.К. Митурич¹¹, у которой жил тогда, что это – замечательная, настоящая книга. Она в числе очень немногих книг была с ним до самой смерти там же в Сантолово. Этого я тоже никогда не забуду, особенно потому, что в это же время началась моя новая поэтическая жизнь и дело – учеба у Хлебникова, который дал много жизни для моего творчества, много движения и ввел меня наконец в Единство песенного размера, т. е. в то русло, откуда вытекли такие реки, как: Маяковский, Асеев, Пастернак, Петников, Божидар и наконец – и я» [4, 460–461]. Маяковский, как видим, стоит в этом списке «рек» на первом месте.

Чистовые варианты своих воспоминаний о Хлебникове и Маяковском Чурилин создавал уже в 1940-м. Это было время первого посмертного «траурного юбилея» Маяковского. Год, когда выходили книги самого поэта в разных городах, республиках, странах и на самых различных языках, когда появились первые научные издания, подготовленные Академией наук СССР («Маяковский. Материалы и исследования», «Владимир Маяковский»), когда был опубликован ряд изданий тематического плана («Владимир Маяковский», «В.В. Маяковский в портретах и иллюстрациях», «Маяковский-киноактер», «Маяковский-драматург», «Маяковский-плакатист»), когда вышли книги друзей и соратников поэта («Маяковский начинается» Н. Асеева, «Жизнь с Маяковским» В. Каменского, «О Маяковском» В. Шкловского, «Маяковский и его спутники. Воспоминания» С. Спасского, «Рассказы о Маяковском» В. Катаняна).

В этом же году появились и две книги Хлебникова – подготовленный Н. Степановым том «Стихотворений», выпущенный в Малой серии «Библиотеки поэта», и «Неизданные произведения», вышедшие благодаря усилиям Н. Харджиева и Т. Грица.

Наконец, в 1940-м вышла в свет, вернее, попыталась это сделать, причем тиражом 3000 экземпляров (на сохранившемся в одной из частных коллекций сигнальном экземпляре книги значится цифра 50 000¹²) книга «Стихотворения Тихона Чурилина». 14 апреля сборник был сдан в типографию. А дальше книга «не пошла», дело застопорилось. Не помогли ни то обстоятельство, что «Стихотворения» должны были выйти в «юбилейном» для Маяковского году, ни то, что редактором сборника являлся (так, по крайней мере, обозначено в выходных данных) В. Катанян, ни открывающая книгу цитата из самого Маяковского: «...знают только "мне нравится" или "не нравится", забывая, что вкус можно и должно развивать»¹³.

⁹ Так называет Чурилин свою «Вторую книгу стихов» (М.: Лирень, 1918), – по заглавию открывающего книгу стихотворения, посвященного соратнику и другу Льву Аренсу.

¹⁰ Имеется в виду Сантолово – деревня в Новгородской губернии. Здесь В. Хлебников ушел из жизни 28 июня 1922 года. В настоящее время от этой деревни практически ничего не осталось.

¹¹ Наталья Константиновна Звенигородская, первая жена художника Петра Митурича.

¹² Это, видимо, означает, что первоначально намечался именно такой тираж.

¹³ Чурилин вырвал слова Маяковского из контекста и дал цитату из его статьи 1926 года «Как делать стихи?» в купированном виде. В оригинале так: «Редактора знают только "мне нравится" или "не нравится", забывая, что и вкус можно и надо развивать. Почти все редактора жаловались мне, что они не умеют возвращать стихотворные рукописи, не знают, что сказать при этом».

Понять, почему книга была «зарублена»¹⁴, помогает письмо Н. Асеева, которое было написано 9 октября 1940 года и обращено к «дорогому товарищу Жданову», сделавшему специальные пометки на книге Чурилина. Это привело к тому, что пришлось в срочном порядке собрать членов правления Союза советских писателей. А. Фадеев обвинил Асеева в защите чурилинского сборника, получившего «резкую оценку» Жданова, а сам Асеев в письме вождю пытался оправдаться и говорил, что защищал вовсе не саму книгу, а ее автора, «старого поэта не бездарного, но ведущего голодное существование», что его мнение «поддержали столь разные по вкусам люди, как К.А. Тренев, В.Б. Шкловский, С.Я. Маршак» [2, 55–57].

Ни заступничество литераторов на правлении ССП, ни направленное в «Правду» письмо, подписанное двадцатью двумя писателями, ходатайствующими за Чурилина, не помогли. Тираж книги был уничтожен. Но история ее на этом не закончилась. Через несколько месяцев в первом номере журнала «Ленинград» появилась разгромная статья «Перепутаница», принадлежащая известному советскому критику и литературоведу А. Дымшицу. В ней в форме открытого доноса творчество поэта объявлялось «юродствующим пасквильством» и «графоманством». Критик отказывает Чурилину и в глубокой мысли, и в сильной страсти. А говоря о знаменитом чурилинском стихотворении «Конец Кикапу»¹⁵, он обвиняет его в эпигонстве, а сам текст называет «северяннико-агнивцевским стишком» [1, 22]. Кроме того, Дымшицу почему-то показалось, что некоторые стихи сборника пародируют Хлебникова и А. Белого. Любопытно в этом пасквиле то, что автор статьи пытался «защитить» от Чурилина именно Хлебникова. Критика особенно уязвило стихотворение «Песнь о Велемире», в котором Чурилин якобы «поносит площадной бранью некоторых, хотя и реакционных поэтов-декадентов прошлого, что совершенно глупо и по существу и по форме»¹⁶ [1, 23]. Завершается «Перепутаница» таким пассажем: «Стихи Чурилина отравлены тлетворным дыханием декадентства. И еще раз нельзя не подивиться тому, как руководители издательства "Советский писатель" могли выпустить его пошлую и вредную книгу» [1, 23].

Что ж, «цепные литературные псы» режима и его вожди своего добились: писатель был раздавлен, испуган и затравлен.

И Чурилину оставалось только одно – писать мемуары...

В воспоминаниях, как и в автобиографиях, поэт всячески подчеркивал влияние, которое оказал на него Маяковский, и его роль в своем возвращении к поэзии¹⁷. В этом же тексте Чурилин говорит о себе: «Головой я уже был – вперед, а ноги все еще вязли в декадансе и символизме. Оттого вышедшая в 1915 г. моя первая книга недружелюбно была

¹⁴ 7 апреля 1944 года в письме Льву Аренсу Чурилин с горечью вспоминает о событиях четырехлетней давности: «...после очередной, но самой большой катастрофы с книгой стихов, к<о>т<о>р<а> была напечатана <во всем?> тираже, пройдя Главлит на сверхотлично и еще 2 раза – план ВКП (б) – и не вышла в свет, хотя оставлена в б-ке Ленина, нашей (и, кажется, еще в Ленинградской), где спокойно выдается в читальный зал, да еще, как слышали, отправлена в Британский музей по конвенции в Лондон! (посвящена Бронке, и ее чудненькая, хоть подмоченная в печати обложка!)» // Сумерки. 1990. № 10+1 («Теория и практика "Игры в аду"»). С. 31–32. К этому мемуарному пассажиру Чурилина можно добавить, что, по имеющимся у нас сведениям, экземпляры «Стихотворений Тихона Чурилина» сохранились в БАН, ГПИБ, ГБИЛ, а также в библиотеках Стэнфордского, Висконсинского и Иллинойского университетов.

¹⁵ Именно его любил и, по свидетельству Лили Брик, часто скандировал Маяковский // Брик Л. Из воспоминаний // Имя этой теме: любовь! Современницы о Маяковском. М., 1993. С. 151.

¹⁶ По понятным причинам критик не называет подразумеваемых им Мандельштама и Гумилева. Вот возмущившая А. Дымшица строфа из стихотворения: «Был человек, в мире Велемир, / В схеме Предземшар с правом всепожара. / И над ним смеялись Осип Эмильич, / Николай Степаныч и прочая шмара» [5, т. 1, 179].

¹⁷ В 1920 году Чурилин заявил, что «окончательно и бесповоротно решил отказаться от писания стихов и беллетристики и перейти целиком на газетную, журнальную и литературоведческую работу»: «И я не писал стихов с 1920 г. по 1931 – т. е. 12 лет» [4, 463].

встречена Маяковским и боевым авангардом русского футуризма. Я рефлекторно тоже невзлюбил тогда Маяковского. Видеть его дело и творчество тогда я не видел – как надо, и в отношении совсем нового дела русской поэзии была у меня тогда – куриная слепота. Каюсь публично» [4, 462]. Пишет он и о своем первом знакомстве с Маяковским, которое состоялось в 1923 году «у Н.Н. Асеева, в его жилье на Мясницкой» [4, 463], и о других встречах с ним – в Пушкино, на Акуловой горе, на даче Румянцева, и в Гендриковом переулке в квартире Бриков, а также о последней встрече – в 1927 году.

Помимо воспоминаний, к образу поэта Чурилин неоднократно обращался и в статьях¹⁸, и в стихах. В качестве примера приведем отрывок из неопубликованного стихотворения «Маяковскому» (1940):

Ты,
Владимир,
Огромный
Такович!! –
Уже многомиллионные рты,
Сотнемиллионные рты
Нашей радостной рьяной но́ви,
В честь тебя зажигают сердец костры,
Умов костры,

Чтоб тебя везде славословить.
Гремит твой рот, живой, – «Хорошо»!!!
И встает во весь рост – «Во весь голос»,
Из громады груди, с небывалой душой –
Ослепительносолнечно голой¹⁹.

И все же только в мемуарах Чурилин пишет о Маяковском подробно, точно и высказывается о нем со всей откровенностью: «Теперь – самое главное: что дала мне встреча с Маяковским? Встречей с ним я считаю свой вход в то русло, в которое я был введен нашей революцией. Это года 19, 20, 21, когда я продрал глаза и на Маяковского. Я увидел впервые в жизни рост и кубатуру его поэзии. Я увидел его выходящим из наших новых лет, голого, как солнце, т. е. голого без гуньки кабацкой и фрачности старого мира. Его слово было необычно – вернее: такого никогда еще не было <...> ...Я не писал стихов

¹⁸ Еще в 1922 году Чурилин, наряду с двумя статьями, посвященными Хлебникову, опубликовал в газете «Красный Крым» статью «Маяковский Владимир». См. также статью «Похвала литературной неграмотности» // На путях искусства (Сб. статей). М., Пролеткульт, 1926. С. 116. Здесь Чурилин анализирует творчество футуристов, пытается определить, в какой степени они обрели «реальный материалистический метод». Начинает он с Хлебникова, который «обращался со словом, как с доподлинно органически вещественной материей <...>, но отвлеченный своей громадно-жадной изобретенческой природой в сторону видимой им системы числовых мировых соотношений (Досок Судьбы) – он смог дать только материалы к методу будущей социальной инженерии языка, т. е. и к методу научного искусства-литературы». Далее Чурилин пишет о Маяковском: «Еще большим вещественником в практической работе со словом, уже без отвлеченностей, все более вводя в поэтический словарь практическую говорную речь, был и есть Маяковский, – но, безоговорочно признавая в нем единственного в своем роде талантливейшего практика-словомдела, все же надо признать, что и у него процесс литературы-искусства – тот же, по существу, с а м о т е ч н ы й процесс». И только у Сергея Третьякова Чурилин обнаруживает «начало работы по методу нащупываемого словесного художественного материализма».

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 1222. Оп. 1. Ед. хр. 28. См. также цикл «Песни распесней. Ряд рейсов на любовных лодках в Жар-Жизнь!» [5, т. 2, 201–205]. Цикл предваряется своеобразным эпиграфом: «Любовные лодки не разобьются (не разбились!) / о бытие. / Бытие организует сознание. / К. Маркс – Маяковский В. / Т. Чурилин – перифразы».

почти 12 лет. Я варился в общем котле, учился, глядел в оба и в полтора – и в 4 глаза! И вернул меня к моему профессиональному делу поэта – Маяковский. <...>

Я увидел и узнал именно у него и через него – что именно в его поэзии закон сопротивления материалов, т. е. равновесие силы материала-слова и боевого его смысла и действия – им соблюден, вернее, точно: он нашел словесный материал, его форму, и закалил все своим поэтическим трудом новатора – и зажег гигантское солнце своего поэтического слова и дела.

Это дало и мне уверенность и силу: искать и находить.

Я ищу, нахожу и буду делать это до самой своей смерти, буду верным соратником и продолжателем великого дела Маяковского» [4, 469–470].

1. Дымищ А. Перепутаница // Ленинград. 1940. № 1. С. 22–23.

2. «Литературный фронт». История политической цензуры 1932–1946 гг. Сборник документов. М, 1994. С. 55–57.

3. Чурилин Т. Велемир Хлебников и современники <так!> (осведомление из личного архива) // РГАЛИ. Ф. 1222. Оп. 2. Ед. хр. 19. Л. 1–2.

4. Чурилин Т.В. Встречи на моей дороге / Вступ. статья, публ. и комм. Н. А. Яковлевой // Лица: Биографический альманах. Вып. 10. СПб., 2004.

5. Чурилин Т. Стихотворения и поэмы: в 2 т. / Составление, подгот. текста и комм. Д. Безносова и А. Мирзаева. М., 2012.

Ю.Б. Орлицкий
Yu.B. Orlitsky

ОТ ВЕРЛИБРА ДО СОНЕТА: СТИХОВЫЕ РАРИТЕТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ТИХОНА ЧУРИЛИНА

FROM THE FREE VERSE TO THE SONNET: VERSE RARITIES IN TIKHON CHURILIN'S CREATIVITY

Изложенные в статье материалы и результаты их осмысления призваны обогатить научное представление о метрическом и строфическом репертуаре одного из самых ярких и оригинальных поэтов XX века – Т.В. Чурилина. Предметом особого внимания являются стиховые формы – от верлибра до сонета, свидетельствующие об актуальной причастности творчества Т. Чурилина к стиховой культуре Серебряного века.

Источником для исследования послужило изданное в 2012 году двухтомное собрание стихотворений и поэм писателя.

Ключевые слова: Т. Чурилин, строфика, метрика, верлибр, сонет

The materials and results of their judgment stated in article are urged to enrich scientific idea themselves of metric and strophe repertoire of one of the brightest and original poets of the XX century – T.V. Churilin. Subjects of special attention are verse forms – from a free verse to the sonnet, testifying to actual participation of creativity of T. Churilin in verse culture of the Silver age.

The two-volume collection of verses and poems of the writer published in 2012 was a source for this research.

Key words: T. Churilin, strophe, metrics, free verse, sonnet.

Вышедший недавно двухтомник поэзии Чурилина [1] позволил, наконец, составить более или менее целостное впечатление о творчестве этого замечательного поэта. Его метрика и строфика устойчиво тяготеют к мейнстриму своего времени: в своих стихах

Чурилин использует в основном тонику (как символистский и акмеистский дольник, так и футуристический тактовик, а иногда и акцентный стих), а также рифменный стих (раешник); достаточно сдержан он и в отношении к строфической экзотике и твердым формам, характерным для символистов и их многочисленных последователей, обращаясь чаще всего к четверостишиям перекрестной рифмовки. Нерифмованных (белых) стихов у поэта очень мало. Тем интереснее немногочисленные отступления от этого общего правила, неизбежные для такого ищущего автора, как Чурилин.

Прежде всего, это особое пристрастие к разностопному стиху в силлаботонике и к строкам слоговой разной длины (а иногда и ударности) в тонике (особенно хорошо видно в ранней «Весне после смерти», а позднее – в «песнях», составляющих основу книги «Жар-жизнь»).

От этих опытов начала 1930-х – один шаг до верлибра, к которому поэт обращается лишь несколько раз (по крайней мере, если судить по последнему изданию). Первые образцы верлибра Чурилина находим в его переводах из немецких поэтов, сделанных для антологии Г. Петникова «Молодая Германия» (Харьков, 1926), вполне очевидно выбранных не по собственной инициативе, а по предложению составителя. Прежде всего, это переводы из Курта Гейнике («Человек», «Рассвет» и «Песня») и Августа Шрамма («Сон»):

Сквозь кусты дрожат звезды –
Глаза опустить, закрыть, ослабеть,
Шептаться плещуще,
Цвети страстью,
Запахи брызнуть,
Трепетать, содрогаться.
Ветра влажные лощине жалобы,
Сильные срывы
Падают резко в глубокую ночь;
Желтизна прыгает быстро
Пятном брызг –
Побледнело
И
Упругие облака гонятся в грязной воде
на земле.

Кроме того, акцентным стихом с окказиональными неточными рифмами (то есть, по сути дела, свободным с рядом отступлений; рифменные созвучия отмечены курсивом) выполнен и перевод стихотворения А. Эренштейна «Вечернее озеро»:

Вы причесывали облака, фавнов и фей
Над звездами и озером в любовной игре.
Вот наша плотина изрезана туманом *ветвистым*,
Время от мук пожелтело лилейное, *чистое*.
Упрямое облако – как запертое сердце белого волка,
В пенном сне вертится ваш, мне проигранный,
Эльфовой танец далекий!
Моя вечерняя песнь у озера – звучней.
Дикая ночь обступает мою *серну*,
Звезды стеснились *вечерние*,
Птица пустыни поет "поздно, поздно!", *тоскую*.
Боль чувствую я, как *в снегу я*
Тону!

Свободным стихом переведены и два стихотворения крымско-татарского поэта Чабан-заде (правильнее – Чобан-Заде), опубликованные в 1922 году в симферопольском альманахе «Помощь».

Единственный известный нам оригинальный верлибр Чурилина («Вчера умер Сулейман Стальский...») датирован 1937 годом и впервые напечатан Н. Яковлевой; очевидно, это незавершенное произведение, которое публикатор к тому же не смог расшифровать полностью [2, 448–451].

В стихотворении обращает на себя особое внимание рассуждение поэта о поэзии, в котором, несомненно, сказался творческий кризис самого автора и той советской поэзии, среди которой он вынужден был жить и складывающимся канонам которой пытался следовать; нельзя не заметить и того, что Чурилин, предрекает завидное будущее прозе, к которой как раз в те годы возвращается (роман «Тяпкатань»).

Надо сказать, что верлибрические опыты автора, несмотря на их малочисленность, отличаются в основном строгим следованием «негативного» (то есть, лишенного всех вторичных признаков стихотворной речи) свободного стиха, что вполне объяснимо в ситуации его времени, то есть после двух десятилетий развития этой формы. Переходных форм (таких, как названный перевод) крайне мало. Зато, как уже говорилось, можно говорить о своего рода подступах к свободной стиховой форме: кроме уже названных разноstopных и разноударных стихотворений, следует отметить также обилие произведений с несистемными холостыми строками, что тоже можно рассматривать как шаг на пути к верлибру.

В области строфики, как уже говорилось, Чурилин опирается на традицию четверостиший, играющей явную компенсаторную роль в становящейся астрофической тонике начала XX века. В его репертуаре только один сонет – «Морское» 1920 года из цикла «Обручения круг мучеников» – однако назвать его традиционным невозможно: во-первых, он написан заумным футуристическим языком, а во-вторых – акцентным стихом (в основном – трехударным, но две строки – четырехударные), что крайне редко встречается в сонетной форме. Зарифмован он по схеме английского сонета:

Полундра! А, рдяная глыбо!!!
И бог и губа бытия.
Смирилось – и в серья и русья хлыби
Текут иззвездная пития.

Быт я. И мужняя дево до вен
Никакого ни вздоха ни хода.
И тихий озев-овен
Исходит из морского находа.

Ручей, одопад, ад освежая
Жадно поит вслух,
И худо и счастья вещая.

А руки украду к веслу
Дымят – и дой земли
Пояй, дево – внемли.

Еще одна строфическая форма, к которой обращался в своем творчестве Чурилин – четверостишия с редифом, написанные в подражание традиционной персидской лирике. В начале века к этой форме обращались многие поэты, особенно часто – Михаил Кузмин. Первое стихотворение с редифом – «Полночь на святках» из «Весны после смерти». Датированное 1913 годом, оно написано цезурированным шестистопным хореем;

последнеударная часть всех 12 строк каждого четверостишия завершается одним и тем же словом, образующим тавтологическую рифму – «полночь», а предшествующие ему фрагменты строк выстроены по принципу параллелизма, который, однако, соблюден только в трех строках из четырех. Так, в трех первых строках первой строфы это глаголы настоящего времени третьего лица единственного числа, а в четвертой – глагол второго лица, все это – четырехсложные слова с соответствующим хорейской схеме ударением на третий слог. Вторая строка подхватывает последнюю первой, в третьей строке хорей становится полноударным за счет повтора двусложного глагола «лаешь», а в четвертой их место занимают два существительных в косвенных падежах с предлогами; наконец, в третьей строфе на этом месте уже три именные строки несут по два ударения (буквально повторяется вторая и четвертая), а в третьей снова использована четырехсложная глагольная форма:

Пламя лампы ласковой потухает: полночь.
В каске, в маске, с плясками подступает полночь.
Тихо-тихо-тихонько шла бы полночь, полночь.
Прямопряно-пьяною приступаешь, полночь.

Вьюгой – ффьюю ты! – вьюгою попеваешь, полночь.
Среброструйной домрою донимаешь, полночь.
Балалайкой, лайкою, лаешь, лаешь полночь.
– И ушла на кладбище – с пляской, в каске, полночь.

Утро. Струны добрые домры – где ты полночь?
Солнце светит, вечное, – где ты, где ты, полночь?
Мёты взмёт, метельные, – засыпают полночь.
О, могила милая, – где ты? где ты, полночь.

Еще раз к тавтологической рифме Чурилин обращается в «Оде прошедшему человеку» в 1933 году: в первом восьмистишии словом «человек» заканчивается пять строк в начале и конце, во второй строфе – десятистишии (квази- децима или одическая строфа) – три последние.

Наконец, в раннем стихотворении, названном евангельской цитатой – «И находящимся во гробах дарована жизнь» – стихотворному тексту предшествует вполне соотносимый с ним по объему прозаический фрагмент: здесь перед нами классическая прозиметрическая композиция, к которой часто прибегали авторы этой поры.

Итак, в своих стихах Тихон Чурилин считанное число раз обращается к метрическим и строфическим раритетам, от верлибра до сонета, которые тоже оказываются вполне в духе стиховой культуры его времени, что лишний раз доказывает органическую вписанность творчества поэта в стиховую культуру Серебряного века.

1. Чурилин Т.В. *Стихотворения и поэмы: в 2 томах / Составление, подготовка текста и комментарии Д. Безносова и А. Мирзаева. М., 2012.*

2. Чурилин Т.В. *Встречи на моей дороге / Вступительная статья, публикация и комментарии Н. Яковлевой // Лица. Биографический альманах. Вып. 10. СПб., 2004. С. 408–494.*

ТИХОН ЧУРИЛИН В РАБОТЕ НАД КНИГОЙ «ГРАЖДАНИН ВСЕЛЕННОЙ»

TIKHON CHURILIN IN WORK ON THE BOOK "CITIZEN OF THE UNIVERSE"

Предметом научной рефлексии в статье стала творческая история книги Т.В. Чурилина «Гражданин вселенной», расширяющая представление о тематическом и жанровом диапазоне произведений писателя. К исследованию привлекается обширный фактический материал, относящийся к литературному освоению личности и научных идей К.Э. Циолковского; в литературоведческий и читательский обиход вводятся архивные документы (письма, планы, черновые и беловые варианты глав) из фондов РГАЛИ и РНБ, воссоздающие процесс работы Чурилина над книгой о «будетлянинне аэродинамики и воздухоплавания».

Ключевые слова: Т.В. Чурилин, К.Э. Циолковский, «Гражданин вселенной», творческая история, незавершенное произведение

The creative history of the book by T.V. Churilin "The citizen of the Universe" expanding idea of the thematic and genre range of works of the writer became a subject of a scientific reflection in this article. The extensive actual material relating to literary development of the personality and scientific ideas of K.E. Tsiolkovsky is involved in research. The archival documents (letters, plans, draft and clean versions of chapters) from funds of the Russian State Archive of Literature and Arts and the National Library of Russia recreating the process Churilin's work on the book about "the 'budetyanin' of aerodynamics and aeronautics" are introduced into literary and readers' use.

Key words: T.V. Churilin, K.E. Tsiolkovsky, "Citizen of the Universe", creative history, incomplete work.

Невзирая на очевидные предпосылки, личность и учение К.Э. Циолковского остались практически не освоенными русским модернизмом: ни принципиальная открытость ученого к потенциальным ученикам и союзникам²⁰, ни предпринимаемые им массовые рассылки своих изданий по редакциям журналов²¹, ни единичные попытки включить его теории в символистский макрокосм²² не привели к желаемому результату. Первые сколь-нибудь очевидные следы его влияния на текущую литературу ощутимы лишь на рубеже

²⁰ Ср. характерный эпизод: «Не помню, откуда я узнал, что из Калуги, от учителя гимназии Циолковского так же бесплатно может получить сочинения о межпланетных путешествиях каждый, кого этот вопрос интересует. И очень скоро после посылки открытки я получил две или три брошюры в тонких цветных обложках. Идей автора, вероятно, я не понял и запомнил только эти цветные обложки» [5, 259].

²¹ См., напр.: Список книг, присланных в редакцию для отзыва // Новая жизнь. 1915. Апрель. С. 160.

²² Одна из самых любопытных была предпринята в 1906 г., когда в «Весах» было помещено эссе А. Филиппова с изложением идей и цитатами из книги Циолковского 1904 г. «Простое учение о воздушном корабле» (см.: Филиппов А. Крылья // Весы. 1906. № 5. С. 38–40). Сюжет этот развития не имел.

1910-х и 20-х гг., когда запечатлевается интерес к нему В.Я. Брюсова²³ и, чуть позже, – группы поэтов-биокосмистов²⁴. В хорошо сбереженном архиве ученого относительно регулярная переписка с литераторами фиксируется лишь с конца 1920-х годов²⁵, причем в этот момент сам Циолковский, наскучив, вероятно, ролью локальной достопримечательности²⁶ и предчувствуя непростые времена, сознательно ограничивает круг своих знакомств²⁷. Общественное отношение к нему меняется в год его пышно (в соответствии со структурой момента) празднуемого семидесятилетия²⁸ – и с этих пор писательские командировки в Калугу с последующими творческими отчетами становятся весьма регулярными. Наскоро скроенный по распространившимся в обществе лекалам культ ученого-самородка не слабеет и после его смерти; одним из побочных воплощений

²³ См., напр., свидетельство А. Чижевского (Чижевский А. Я молнию у неба взял... Автобиографические очерки. Калуга, 1994. С. 38–43). Подробнее см.: Васильев М.В. Первый поэт научной космонавтики // Брюсовские чтения 1971 года. Ереван, 1973. С. 19–32.

²⁴ Генис В. Неверные слуги режима. Первые советские невозвращенцы. Книга 1. М., 2009. С. 386. Из неочевидных материалов напомним недатированное стихотворение Василиска Гнедова: «Икара отцом был у нас / Циолковский / Я же только главным / механиком / Выполняя заветы скрижалей / отцовских / В небе жужжал мотора / комариком» [3, 182].

²⁵ Назовем на выборку несколько корреспондентов из этого круга: А.И. Бачинский (бывший символист Жагадис), Д.Д. Бурлюк, П.Л. Драверт, П. Зальцман, Л.А. Кассиль, П. Незнамов, А.Р. Палей, В.Е. Чешихин-Ветринский (все их письма хранятся в АРАН. Ф. 555. Оп. 4). Особенный интерес представляют письма к Циолковскому Н.А. Заболоцкого (см.: Павловский А. Из переписки Н.А. Заболоцкого с К.Э. Циолковским // Русская литература. 1964. № 3. С. 219–226).

²⁶ Ср., напр., в письме Горького 1928 года: «В Россию еду около 20-го мая. Сначала – в Москву, затем – вообще. Обязательно – в Калугу. Никогда в этом городе не был, даже как будто сомневался в факте бытия его, и вдруг оказалось, что в этом городе некто Циолковский открыл «Причину Космоса». Вот вам!» (Письмо К.А. Федину от 21 апреля 1928 г. [8, 470]). В ближайшие годы осведомленность Горького существенно возрастет: «Впервые я узнал, кто такой Циолковский, от Горького, году в тысяча девятьсот тридцать втором. Алексей Максимович назвал его, не имевшего Золотой Звезды, Героем Труда. «Этот великий ученый, – сказал он, – не просто самоучка, а самородок!». Разговор происходил на даче Горького в горьковских Горках. Горький сказал, что, как Марк сделал точной наукой мечту о коммунизме, так наш земляк Циолковский делает точной наукой мечту о полетах к звездам. Известно, что царское правительство в ущерб России и всему миру пренебрегло работами Циолковского, зато Ленин в самые трудные годы после Октября горячо его поддержал. Так горячо, что говорят – кто-то из народных комиссаров (министров) пытался его охладить: «Владимир Ильич, сейчас у нас земных дел хватает!» На что Ленин ответил: «Полеты к звездам – это тоже наше земное дело!». Циолковский получил академический паек, персональную пенсию. Горький рассказал нам (мне, моему приятелю художнику-большевицу Василию Маслову и своим внукам) о жизни Циолковского, о том, как, потеряв в детстве слух, Константин Эдуардович благодаря своей силе воли и настойчивости сумел получить образование, стал педагогом и ученым. Он уверен – просторы Вселенной покорятся нам, людям земным, и покамест он жив, непременно постарайтесь увидеться с ним!» [6, 111–112].

²⁷ Ср. исключительно дальновидный отказ Каменеву: «К Циолковскому ходил. Да старик дряхл или опасается: не принял, велел сказать, что «очень уважает, но опасается волнения при встрече». Прислал пару своих книжек, в которых я ничего не понимаю. Так и не увидел «причину космоса». Жаль, черт возьми!..» (письмо Каменева Горькому от 7 апреля 1928 г. [4, 553]). Ср. также намерение прекратить диалог с американским корреспондентом: «Мне когда-то Циолковский в году за 2 года <sic> до его ухода из жизни написал: «Умоляю – не пишите мне!»» (письмо Д.Д. Бурлюка к Н.А. Никифорову от 17 мая 1960 г. [2, 414]).

²⁸ Ср. характерное замечание свидетеля, состоявшего с ним в переписке: «Показательно, что из 65 прижизненных книг Циолковского, не считая 14 отдельных оттисков публикаций в периодике, 46 были изданы им самим. И, что греха таить, так продолжалось вплоть до 1932 года, ознаменовавшегося торжественно отмеченным в Москве его 75-летним юбилеем, награждением орденом, созданием ГИРДов (Государственных институтов реактивного движения), то есть всеобщим признанием, всплеском внимания и настоящей заботы» [7, 85–86].

его становится план-заявка, с которой Т. Чурилин отправляется весной 1941 года к Константину Андреевичу Треневу. «20/III я был на приеме у К. А. Тренева, с которым переговорил о своем давнишнем намерении: написать художественное прозаическое произведение о «знаменитом деятеле науки» (И.В. Сталин) гениальном «самоучке» в действительности замечательном изобретателе человеке замечательной жизни и работы К.Э. Циолковском.

К.А. Тренев одобрил задуманное мной и обещал посодействовать в получении средств на поездку и работу по изучению материалов в Калуге»²⁹.

Период 1939–1941 годов в биографии Чурилина был чрезвычайно трудным: ряд последовательных невзгод («Как дела? Да х...вато, сыровато, серовато, е, е, е. мать, мать, мать! По прежнему перспектив – массья, но пустовата кассья <...>³⁰», – как сформулировал он в одном из писем этого времени) полностью разрушил его и без того шаткое финансовое положение: в 1939 году в своей помощи отказал Литфонд; в 1940-м был рассыпан набор стихотворного сборника; в январе 1941-го в журнале «Ленинград» опубликовали имеющую форму доноса статью А. Дымшица³¹. На этом фоне идея художественного жизнеописания Циолковского была дважды спасительной: с одной стороны, командировка в не полностью чужую ему Калугу³² и работа над крупной идеологически выдержанной вещью сулили материальную передышку; с другой – сама биография одинокого гения, осмеянного современниками, но дождавшегося признания у потомков, была для Чурилина явственно созвучна с собственной судьбой. Поэтому, удовлетворившись не слишком убедительными обещаниями Тренева, он 24 марта 1941 года через четыре дня после разговора с ним, выезжает из Москвы в Калугу для работы с материалами дома-музея Циолковского. Еще через неделю он пишет подробнейший отчет о своих трудах и днях оставшимся в Москве друзьям:

«Ай-дербень-Калуга, 31/III 1941

Дорогая Лиля Юльевна <sic>, не знаю получили ль Вы мою фантастическую открытку на адрес Бр. Иос.³³ т.к. увы и олè мне – адрес Ваш мне до сих пор знаем <sic> только зрительно! Как изо-образ топографически-локально он для меня – нонсенс: ни № дома и даже квартиры! Сообщаю Вам о моих ай-дербень-калужских трудах и днях:

Моя какбынаучная <sic> база – дом-музей Циолковского <...> прилепился к Оке у чорта на куличках. Спускаться туды по обледеневшему спуску, по скользкому пути, – это нисхождение в Альпы наоробур³⁴! И потому был я там 2 раза – все по Воскресеньям, но вчера я достал – на дом!!! – 1) рукопись-автобиографию Ц. «Черты из моей жизни»³⁵ – на машинке, материал исключительно интересный и во многом – девственный (и как это мне доверили?!) и 1 том «Трудов» со статьей проф. Моисеева о Циол-ом³⁶. Купил его занятные брошюры на целых 5 целковых (бумажками, конечно).

²⁹ Письмо Т.В. Чурилина к А.А. Фадееву от 3 мая 1941 г. (черновик) // РНБ. Ф. 1294. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 1 (пользуюсь случаем поблагодарить Ю.А. Рыкунину за помощь в ознакомлении с этим источником).

³⁰ Недатированное письмо к В.Д. Морозову // РГАЛИ. Ф. 2382. Оп. 1. Ед. хр. 181. Л. 2.

³¹ Подробнее см. вступительную ст. Н.А. Яковлевой к публикации мемуаров Чурилина [9, 452–453].

³² Там периодически жила его давняя приятельница Екатерина Сергеевна Гуль (биографическими сведениями о которой мы не располагаем); ср. в недатированном письме к Г. Петникову: «У нас гостит Ек. Серг. Она едет в Калугу. Ай дербень, дербень Калуга, дербень Ладога моя» (РГАЛИ. Ф. 1222. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 2; финальная цитата – из народной песни).

³³ Бронислава Иосифовна (Осиповна) Корвин-Каменская.

³⁴ Au gebours (*фр.*) – в обратном порядке, наоборот.

³⁵ К этому моменту автобиография Циолковского была уже частично опубликована (Циолковский К. Черты из моей жизни // Молодая гвардия. 1935. № 11. С. 125–143).

³⁶ Статья Н.Д. Моисеева «К.Э. Циолковский (опыт биографической характеристики)» помещена в книге: Циолковский К.Э. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. М. – Л., 1934. С. 7–35.

Познакомился с «Научн. сотрудн.» Музея Ф.Ф. Чудовым. 58 лет – на вид 45-ти, который видно живет еще хуже меня в смысле бюджета <sic> и общета <sic>. Директор <sic> Музея – одет тоже не хуже меня но и не лучше³⁷. Словом – чюдная трияда энтузиастов Циолковского, из которых я самый, гм, молодой и начинающий ученый. Но сродство этих, как их, – душ вышло полное! Кроме того они, чудаки, к щастию для меня не вполне окуран³⁸ относительно моего положения в «Союзе Писателей» и для них я, гм, лицо почетное. Словом – сон в калужскую ночь, или бедность не порок, но и не преступление.

Был я самолично у семьи Ц. т.е. у двух его живых дочерей, из которых видел всего одну. Живут они насупротив другою концу улицы Циолковского т.е. эдак километра два от музея вверх да по горке, куды нужно подыматься по обледенелым кручам, опять как на альпочки, но уж – не навыворот.

Одна дочка – шизофреничка, как меня успокаивают в Музее, и она ко мне не вышла, ибо она Московским гостям не доверяет³⁹. Другая – та замужня, нормальная, агрономская жена⁴⁰ и у ней я смотрел альбом фото где усмотрел и имажине В. Шклофсково <sic> с сияющим видом обогревающево стоящево с ним Циолковского лучами своего обаяния!⁴¹

Табло! Ну эта московских гостей не боится, но покедова толку от нее мало. Вся суть в автобиографии и в рассказах тех очевидцах <sic>, коих я еще не очевидел⁴². В опчем и целом – я доволен, ибо пожив здесь еще NN трудодней – я схвачу за хвост то что мне надо и приволоку это в Москву. Личность Циолковского – обаятельно интересна: это будетлянин аэродинамики и воздухоплавания. А такжеже – поселения человекво в междупланетных пространствах, чего Вам и нам не желаю (пока).

Аминь.

На вокзале при отъезде я принял чюдный пирамидон данный мне той благовидной феей, с которой я познакомился у Вас в пятницу. Здесь тоже нет ефтово зелью и ах, как бы хорошо-хорошохононько получить с ее обещанную коробочку с пирамидоном! А от Вас добитце <sic> толку – кто сия благодетельница и хто ето иё муж, которому может прямо понравиться моя Тяпкотань⁴³?

Чюдна Ока при вьюжной погоде, когда лежит она в саване снега у своего берега – а возле берега недалеко от снега – стоит чудо-юдо: дом-дадом Ц-81. И сидит там новый научный сотрудник Тихон да Чурилин и мечтает он о великой Москве и о некоем Спасопецковском⁴⁴ переулке и ждет он оттудова хоть бы малой эпистолы от одной, не на

³⁷ Директор – Павел Семенович Рыжичкин. Выразительный его портрет Чурилин оставил в очерке 1943 года: «Этот скромный, ничем не выдающийся с виду человек, лет 35-ти от роду, был глуховат – приходилось сильно повышать голос в разговоре с ним» и т.д. (РГАЛИ. Ф. 1222. Оп. 3. Ед. хр. 11. Л. 3).

³⁸ От фр. «au courant» – «в курсе».

³⁹ Циолковская Любовь Константиновна (1881–1957). Здесь и далее справки о членах семьи Циолковского приводятся по: Елисеев Ю.Б. Некрополь семьи К.Э. Циолковского // Калужский некрополь. Калуга, 2009. С. 140–144.

⁴⁰ Костина (урожд. Циолковская) Мария Константиновна (1894–1964).

⁴¹ Шкловский изложил подробности своего вояжа в Калугу в мемуарном отрывке, с которым выступал на публичных чтениях (ср.: «Видел Шкловского – он возвращался из фронтовой поездки. Был на его мемуарном вечере – он вспоминал о Павловых, Циолковских, Репиных и других великих». – Письмо С.С. Наровчатова к Н.Н. Асееву от 6 сентября 1944 г. // Асеев Н. Родословная поэзии. М., 1990. С. 412) и позже включил в книгу: Шкловский В. Жили-были: Воспоминания. Мемуарные записи. Повести о времени: с конца XIX в. по 1964 г. М., 1966. С. 519–528.

⁴² Один из записанных Чурилиным мемуарных очерков был позже включен в книгу: Циолковский в воспоминаниях современников. Тула, 1971. С. 325.

⁴³ Роман Чурилина «Тяпкатань», впервые изданный в наши дни (Чурилин Т. Тяпкатань, российская комедия (хроника одного города и его народа). Подготовка текста, комментарии и примечания Ольги Крамарь. М., 2014).

⁴⁴ Адрес Бриков: Москва, Старопесковский пер., д. 3.

шутку ведь, замечательной женщины 20 века – Первой в нашей с ней дружбе, да еще в ай-дербень-Калугу: Аминь совершенно серьезно: вещь я напишу – и должен написать – замечательную. Сегодня я послал К.А. Трениву заказное куда приложил и Заявление Правлению ССП о необходимости поездки в Калугу (!!!) и о необходимости поработать здесь при музее не менее месяца. О необходимости перепечатать автобиографию. О необходимости пить-кушать за эфтое время а также жить в комнате, кою уж мы сняли за 150 р. Сие предложил Бр. Ос. сам Тренив при разговоре с ней 28/III по телефону в Москве.

От Фалдеева <sic> – ни бе ни ме. Тихо. Но снимать перед ним шляпы – не собираюсь, а вернувшись буду торопить ево дальше.

А пока

в ожидании милостивейшего от Вас ответу, и привету, хуть бы в формате 1/1000 печ. листа.

Остаюсь Вам преданный

Ваш

Тихон, Калужской чюдотворец.

Мои приветы: дор. О.М. и Катаняну. Еще – Глазкову, коль помнит. Еще – всему міру и Москву.

Адрес: Калуга, Тульской обл. Ул. Салтыкова-Щедрина. Д. 54. Кв. 1-ая – мене»⁴⁵.

Чурилин, несмотря на свой гипертрофированно поэтический габитус и отсутствие навыков историографа, показал себя умелым и кропотливым работником: за месяц труда был отреферирован исполинский объем материала, опрошены живые свидетели и составлено подробное оглавление будущей биографии:

«Часть первая. Возрастание.

1. С песней без слов на губах...
2. Немного о его родителях, о их славном роде.
3. Рождение Гражданина вселенной.
4. Первые чувства.
5. Он стал – глухой!
6. Еще вне сознания.
7. Сознание начинает сверкать.
8. Он в Москве.
9. Опять в Вятку.
10. Переселение.
11. Раскольничий град.
12. Брак по договору и без страсти.
13. И огнем и водой.
14. Желябка.
15. С песней как птица – все вверх и выше!!

Часть вторая. Горе и гений.

16. «Калуга» - болото, топь, сырое место.
17. Его друзья, его враги.
18. В семье.
19. Епархиалки.
20. Утехи отдыха.
21. Выход в свет.
22. Так кто же – он?
23. Он был – гражданином вселенной.
24. Жена была – верным слугой.

⁴⁵ Письмо к Л.Ю. Брик // РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Ед. хр. 534. Л. 5–7 об.

Часть третья. Усыновленник народа.

25. Признание.

26. Высокая награда.

27. В новом доме.

28. Театральный сквер.

29. Разговор по телеграфу.

30. Народ провожает его в безвестную даль.

31. В загородном парке. Весной.

32. Улица Циолковского, дом № 81 <в др. вар.: 79>⁴⁶.

Вероятно, ему было суждено стать основой будущей формальной заявки для издательства: по крайней мере, на одном из соседствующих листков была набросана характеристика предстоящей книги: «Язык и стиль «Гражданина вселенной» во 1-х будет согласован с характером языка и стиля К.Э. Циолковского, особенно в его автобиографии «Черты из моей жизни». В-2-х, автор оставляет за собой право творческих «лиценцием поэтика» т.е. право лирических отступлений и «поступлений» там, где лапидарность языка и стиля К.Э. Циолковского будет явно не в состоянии выразить и изобразить ряд моментов и картин для написания коих понадобится и лирическая экспрессия и м.б. – и некий гиперболизм поэтического образа. Все это, понятно, в пределах синтетической и гармонической нормы единства»⁴⁷.

3 мая Чурилин из Калуги пишет Фадееву, которого считает (возможно, не без основания) одним из главных своих недоброжелателей: «Конечно, Литфонд упорно не желавший и не желающий и поныне помогать мне не подачками, а делово – остался в стороне, держа курс на Вас, твердо остающегося на позиции отрицания во мне поэта и художника и писателя. Тем не менее я нашел возможность и достаточно сил в себе, чтобы без всякой поддержки вот уже в течение месяца работать над изучением богатейшего биографического и творческого материала, имеющегося в музее и у семьи К.Э. Циолковского. Я два раза писал К.А. Треневу о ходе моей работы и знал из письма моей жены что К.А. Тренев говорил с Вами о моей работе и что по представлении мною планов и материала и одобрения их, Союз Писателей (в лице К.А. Тренева и Вас?) будет способствовать моему заключению договора на книгу о Циолковском с издательством, которое мне даст и аванс (в виде исключения в моем не совсем обычном положении) <...>

Оглавление и план моего будущего произведения о К.Э. Ц-м мною окончен. Работа постепенно<?> идет к концу. Позвольте надеяться что Вы мне не откажете по приезде в Москву в приеме у Вас специально чтобы посоветоваться с Вами о дальнейшей работе над произведением и в советах более опытного в делах прозы писателя, которые мне будут необход<имы> <...>⁴⁸.

В первой половине мая Чурилин, вернувшись в Москву, продолжает работать над текстом книги. Действует он, насколько можно судить по фрагментарно сохранившимся черновикам, исключительно планомерно. Вначале он составил компендиум выписок и цитат, которые ему могли бы понадобиться в дальнейшем. Затем, на основе предъявленного заказчику (и, вероятно, одобренного) оглавления, он выстроил тщательный, буквально от абзаца к абзацу, конспект каждой главы. Потом, на основании этого конспекта, он писал собственно текст: вначале черне, а потом перебеливая его уже до окончательного варианта. В результате отложившиеся в его московском фонде рукописи представляют собой:

А) подробный план первых пятнадцати глав (и подготовительные наброски к нему);

⁴⁶ Оглавление сохранилось в двух вариантах; приводим по более полному с восстановлением лакун из черновика (РГАЛИ. Ф. 1222. Оп. 3. Ед. хр. 9. Л. 2–3 об.; рукопись датирована: Калуга. 30/IV – I.V.1941 г. Тихонова Пустынь).

⁴⁷ Там же. Л. 10 об.

⁴⁸ Письмо Т.В. Чурилина к А.А. Фадееву от 3 мая 1941 г. (черновик) // РНБ. Ф. 1294. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 2.

- Б) план и выписки к третьей части книги;
В) беловики первой, третьей и двадцать пятой главы;
Г) черновики третьей, четвертой (в двух вариантах) и двадцать пятой главы⁴⁹.

Вероятно, работа над книгой была прервана войной – по крайней мере, никаких сведений о ней не находится до весны 1944 года. За это время дом-музей Циолковского был разграблен и разрушен немецкими войсками; Чурилин, болезненно это воспринявший, написал эмоциональный очерк «Циолковский в гитлеровском плену»⁵⁰, который органически примкнул к корпусу книги: «В своем письме Н.С. Тихонову, тоже очень поневоле печальном, я упомянул о своей работе над книгой о Циолковском. Оказывается, что по словам С.В.⁵¹ – Тихонов обратил на это внимание и С.В. еще сказала, что следует не откладывая написать ему делово и более подробно об этой работе. Это, хоть и запоздалое сообщение, дало мне известную зарядку – я очень делово написал это письмо, а сегодня, пересматривая план-конспект книги «Гражданин вселенной» и написанные мной еще в 1941 г. 5 глав плюс последнюю «Дом Циолковского в гитлеровском плену» (о разгроме и разграблении замечательного Дома-музея фашистами во время оккупации Калуги и о мужественном «заступничестве» оставшегося в доме директора-партийца П.С. Рыжичкина, действительного энтузиаста, к^от^ор^ог^о я лично имел честь знать и пользоваться его содействием во время моей работы в Д.-М. в Калуге, март-май 1941 г.) – когда я посмотрел на все это на расстоянии времени – я сам очень приятно и радостно поразился той работе, что была мной произведена и началу книги. Материалы у меня имеющиеся и мной собранные и сам план конспект книги – это большое подступальное литературно-историческое богатство – и не будь у меня далеко не справедливо и не совсем уж на 100 % заслуженной такой репутации, теперь, для обычно работающего и не возбуждающего скепсиса писателя, это был бы клад.

Если б Союз Писателей оценил бы материал мой, произведенную розыскную-исследовательскую работу в Доме-Музее Циолковского и план-конспект и дал бы мне

⁴⁹ Подготовительные материалы к «Гражданину вселенной» распределены по двум единицам хранения: РГАЛИ. Ф. 1222. Оп.3. Ед. хр. 9 и 10. Часть материалов, некогда отколовшаяся от основного фонда, хранилась в составе архива Г. Петникова, а ныне находится в Старокрымском Литературно-художественном музее (см. краткое описание: Байбуртская О.В. О материалах Тихона Чурилина в фондах Старокрымского Литературно-художественного музея [1, 95].

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 1222. Оп. 3. Ед. хр. 11, 33. Чурилин предпринимал попытки опубликовать его и отдельно от книги; ср. в письме к Маршаку: «Вы знаете, почему так трудно преодолеть предубеждение против моих работ. Приходится, видно, оставить стихи. Но вот я написал художественный очерк «К.Э. Циолковский в гитлеровскому плену» о разгроме в Калуге музея Циолковского и о героизме директора музея, партийца. Написано это просто. Кой что художественно о природе Калуги, но без апробации я и ее не устрою» (РНБ. Ф. 1294. Ед. хр. 22. Л. 1); ср. в письме к В.Г. Лидину: «Большая покорнейшая просьба к Вам: не откажите просмотреть посылаемый при письме этот художественный очерк о разгроме немцами в Калуге музея К.Э Циолковского и если он заслуживает внимания – посодействовать помещению его в Новом Мире. Беспokoю Вас потому, что без апробации моих работ и стихов их участь независимо от их качества – одна и та же. Мне же необходима работа и устройство своих вещей теперь как никогда. Посылаемая мной вещь написана по информации и материалам документальным. Перед войной я 2 месяца март-апрель -.. и часть мая работал в Калуге в Музее Циолковского над материалами о его жизни и деятельности, достал ценнейшие, составил подробный план книги «Гражданин вселенной», кот. был одобрен в Правлении СП. (Катаев и др.) написал 5 глав книги – и пришлось из-за войны издательское дело законсервировать. Так что думаю: факты варварства и разбоя гитлеровцев в Музее, героизм скромного но преданного делу директора партийца П.С. все это тема нужная нашему времени и достойная опубликования» (РНБ. Ф. 1294. Ед. хр. 32. Л. 1–1 об.; обе выписки предоставлены Ю.А. Рыкуниной).

⁵¹ Софья Викторовна Новацкая.

возможность продолжить ее – я окончил бы ее в 7–8 месяцев (хотя для такой книги нормально нужен – год, полтора).

Но – вот тут то и начинается циркулюс витиозус⁵². Для этого нужно внимание и предельная по возможности скидка со скепсиса в отношении моего: могу и сделаю. Для этого нужна оперативность, а у меня сейчас просто от физического истощения она занижена до максимума. Надо чтоб напр. такой по высокой поэтической культуре подходящий человек как Н.С. Тихонов да еще и «генерал-директор ССП» заинтересовался бы планом и главами – и опять это все очень трудно и трудно. А ведь это у меня последний шанс на выход из мертвой гавани Камушек⁵³, где я – просто «дед», да еще рваный и всегда неприятный а главное – никчemuшный.

Но и при таком, можно сказать, скептическом до безнадежности, отношении, этот план-конспект моей книги и 5 глав показанные мной до войны, но уже в июне, перед началом ее в Союзе Пис. на приеме Чл. Презид. ССП тогда – В. Катаеву заставили его выключить телефон на приеме и полтора с лишним часа внимательно просмотреть план и 5 глав книги. Отзыв, ктр. он мне официально на бланке дал, свидетельствует также о большом впечатлении на него произведенном, но конечно с quasi-улиссовскими оговорочками: «мне кажется»... «я думаю...» но факт ценности материала и произведенной над ним работы в плане – констатируется. И вот, несмотря на все очень и очень существующие и продолжающиеся тернии, кремни и шипы нашего бытия, даже перенеся эти страшные 3 года в Москве и став и Робинзоном и Лесковским Однoдумом по отсутствию одежды даже и для ордена – я воспрянул бы вновь в творческой и деловой работе по Циолковскому (хоть с завтраш. дня).

Еще есть заветная мечта и не на одной лирической основе: прочесть бы Вам, человеку и деятелю высочайшей творческой культуры, совершенно подлинной и насыщенной, хоть 2 главы из «гражданина вселенной», чтоб опереться на настоящее справедливое отношение. Но и это совершенно невозможно в моей робинзонаде, ибо шкуры «костюма» Робинзона – это идеал в сравнении с той «шкурой», в которой я – раздет!

Письмо Н.С. Тихонову (заказное) я сегодня только смог отправить написав его три дня назад. Но что из эфтого выйдет, не знаю. Боюсь, что без напоминания Тихонову дело залежится. Боюсь Вас просить об этом, но скрепя сердце прошу. Вот все что у меня есть в главном зените.

Здоровье Б.И. было улучшилось, но питание ей нехватает, а она еще добывает пропитание вязаньем. Это (с Б.И.) еще главнее – и так же – труднее.

Конечно, есть (опять не в моих условиях) еще бы <sic> в отношении работы о Циолковском выход. Это – соавторство. Но т.к. я собрал весь ценный материал + брошюры и литература самого К.Э. – некоторые с его авторскими пометками (музейная ценность, данная, подаренная дочерьми его) + подробнейший конспект-план книги, то ведь обидно получить за все – 50%, да еще, к тому же, могут и вовсе обжудить (как напр. добивающийся и бывший уже у Циолковского – и резко не понравившийся и ему и дочерям – Смолин Д.П.⁵⁴ – который очень не прочь бы воспользоваться моим материалом). А потом – при моей репутации – кто еще из «порядочных» захочет связываться. Судите ж Вы какие розы⁵⁵ и т.д.

А вот Вы не поверите, но Бр. Иос. может подтвердить: я – уже «дед» остались от меня – кости: ни ножек ни рожек, а вот характер у меня совсем другой чем в 1932 г. Приходится поздно признать – плоховат был и тяжеловат, аль там как. А вот – у исхода

⁵² Лат. *circulus vitiosus* – порочный круг.

⁵³ Старинное название московского района недалеко от Пресни, где жили Чурилины (Сельсоюзный пер., д. 14, кв. 9).

⁵⁴ Дмитрий Петрович Смолин (1891–1955).

⁵⁵ «Евгений Онегин», 4-я глава.

дней обретоно – и терпение и задерживающие центры слишком даже работают на заторможение. А – прочитал я недавно план-конспект и ахнул: вот это творчество!»⁵⁶.

Несмотря на явное доброжелательство многих старых друзей Чурилина, их объединенных усилий оказалось недостаточно, чтобы воплотить этот безнадежный план – и книга осталась незаконченной. Год спустя судьба нанесла писателю последний удар – 10 октября 1945 года умерла его жена Б.И. Корвин-Каменская; через 17 дней в состоянии тяжелой депрессии он был госпитализирован в психиатрическую больницу, где скончался в феврале 1946 года.

1. Байбуртская О.В. О материалах Тихона Чурилина в фондах Старокрымского Литературно-художественного музея // «Серебряный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия. М.–Симферополь–Судак, 2003. С. 92–96.
2. Бурлюк Д.Д. Письма из коллекции С. Денисова. Тамбов, 2011.
3. Гнедов В. Собрание стихотворений. Тренто, 1992.
4. Горький в зеркале эпохи. Неизданная переписка. Выпуск 10. М., 2010.
5. Гумилевский Л. Судьба и жизнь. Воспоминания. М., 2005.
6. Железнов П. Наставники и друзья. М., 1982.
7. Курочкин Ю. Книжные встречи (Рассказы советского книголюбца). М., 1981.
8. «Серпионовы братья» в зеркалах переписки. М., 2004.
9. Чурилин Т.В. Встречи на моей дороге / Вступительная статья, публикация и комментарии Н. Яковлевой // Лица. Биографический альманах. Вып. 10. СПб., 2004. С. 408–494.

Н.А. Яковлева
N. A. Yakovleva

К РЕЦЕПЦИИ «ВЕСНЫ ПОСЛЕ СМЕРТИ» (О ПОЛУЗАБЫТОМ ОТЗЫВЕ В. ШЕРШЕНЕВИЧА)

THE RECEPTION OF "SPRING AFTER DEATH" (ABOUT A HALF-FORGOTTEN RESPONSE BY V. SHERSHENEVICH)

Проведенное исследование призвано восполнить отсутствующие звенья в истории критической рецепции самой известной книги Т. Чурилина «Весна после смерти». Объектом републикации и научного рассмотрения в статье стала оказавшаяся вне поля зрения современных историков литературы рецензия В. Шершеневича (1915), автор которой, отталкиваясь от полигенетической поэтики дебютного сборника Чурилина, осуществляет терминологическую апробацию важнейших теоретических принципов имажинизма.

Ключевые слова: Т. Чурилин, В. Шершеневич, «Весна после смерти», рецензия, имажинизм.

The carried-out research is urged to fill the absent links in the history of critical reception of the most known book by T. Churilin "Spring after death". The review by V. Shershenevich (1915) on the book which happened to be out of sight of modern historians of literature is the object of republication and consideration in this article. In his review V. Shershenevich starting with the polygenetic poetics of the

⁵⁶ Письмо М.Ф. Гнесину от 20 апреля 1944 г. // РГАЛИ. Ф. 2954. Оп. 1. Ед. хр. 764. Л. 42 – 44 об.

debut collection by Churilin carries out terminological approbation of major theoretical principles of imagism.

Key words: T. Churilin, V. Shershenevich, "Spring after death", review, imagism.

Поэтический дебют Чурилина пришелся на 1915 год, когда история русского модернизма уже состоялась, и «молодых» поэтов ждали с новым любопытством, пытаюсь рассмотреть в них «будущее» русской поэзии. Чурилинская «Весна после смерти» была встречена серией положительных рецензий, где автору давались большие авансы как «начинающему» таланту⁵⁷. Сам поэт особенно тронут был оценкой Гумилева и в личном письме к последнему патетически восклицал: «Много было рецензий <...> но слово сказали Вы одни. <...> Но разве о *Поэзии* только сказали Вы? О *летописи Тайны* т.е. то, что главное в моем творчестве»⁵⁸.

Однако с течением времени отношение поэта к «Весне», принесшей ему известность, становилось все более неоднозначным. Рефлексируя задним числом о собственном месте на тогдашней размытой карте русского модернизма, он писал с оттенком разочарования, что книга не встретила особого понимания у авторов поэтического направления, частью которого он позднее себя считал: «Я, живя в Москве, начинал свою поэтическую дорогу книгой стихов “Весна после смерти” (Москва, 1915, изд. <ательст>во “Альциона”). Встречался я тогда с Велемиром Хлебниковым – редко, но ценил его правильно и любил его певчий край – очень, сильно любил. Бывал я также у Вячеслава Ивановича Иванова, вместе с молодыми символячками старичками, которые около меня тогда вертелись и ютились. Головой я уже был – вперед, а ноги все еще вязли в декадансе и символизме. Оттого вышедшая в 1915 г. моя первая книга недружелюбно была встречена Маяковским и боевым авангардом русского футуризма. Я рефлекторно тоже невзлюбил тогда Маяковского. Видеть его дело и творчество тогда я не видел – как надо, и в отношении совсем нового дела русской поэзии была у меня тогда – куриная слепота. Каюсь публично. <...>

Итак, изучение и грызба символячьего гранита началось и шло у меня в мои юные, студентческие, годы. Это накапливало во мне поэзию, которая будто и шла из истины символизма, но по существу, как правильно определил это О.М. Брик в своем вступительном слове к моей книге “Жар-Жизнь”, – была пародийной⁵⁹.

Это действительно показала книга “Весна п<осле> смерти”, в которой большая часть стихов – пародийны. От этого-то символисты поспешили назвать ее и футуристической или кубофутуристической, ибо они чуяли во мне – их же свергателя, их же разрушителя – и поспешили отмежеваться. А “футуристы” – Маяковский, Асеев, Петников очень внешне<?> отнеслись к “Весне” – отчасти по ее паспорту, по месту ее прописки – “Альциона”, отчасти по эмпирическим вехам: Коневской – Андрей Белый. И не отрицая высокого мастерства поэта, ее символячья плаценда <так!> не была ей прощена – вместо того, чтоб поповивальному отрезать ее и наградить новорожденного ребенка звонким шлепком по задку – чтоб закричал: о, – ляло! они и плаценды не отрезали, а к ребенку повернулись сами задом: символяка-де. Напрасно, дорогие товарищи – сами видите, что поспешили»⁶⁰.

⁵⁶ Об этом см.: Чурилин Т.В. Встречи на моей дороге / Вступительная статья, публикация и комментарии Н. Яковлевой // Лица. Биографический альманах. Вып. 10. СПб., 2004. С. 419–422.

⁵⁷ Там же. С. 421–422.

⁵⁸ Имеется в виду статья О.М. Брика «Поэт, каких немного». Ср. отрывок из нее, процитированный Чурилиным в воспоминаниях: «Тихон Чурилин прошел хорошую поэтическую школу.

Стихи он начал писать давно – еще в дореволюционное время.

Писал так, как писали лучшие поэты ущербного символизма.

Блестящая техника, тончайшее поэтическое чутье и призрачная сверх-идеалистическая, почти уже пародийная тематика» [3, 475].

⁵⁹ Там же. С. 462, 474.

Тем более особый интерес вызывает приведенный ниже отзыв о «Весне после смерти», принадлежавший перу В. Шершеневича и оставшийся не учтенным в библиографии последнего, а также полузабытый исследователями творчества самого героя рецензии. Чурилин позднее только мимоходом упоминал об этой заметке, несмотря на то, что благосклонный отклик исходил из футуристического лагеря, впрочем, к 1915 году в свою очередь переживавшего период «усталости» и распада. К тому времени, когда мысль о себе как о поэте-авангардисте, наследнике хлебниковских словесных экспериментов, укрепилась, маньеристский Шершеневич не мог казаться ему близким. Между тем «пародийность» чурилинских образов, о которой писал позднее Брик, как и декадентский персонаж его ранней лирики, объединяли автора и с эгофутуристами, умножая поэтическую многоликость дебютанта. В этом смысле любопытно свидетельство П.Н. Зайцева, подтверждающее, что Шершеневич так или иначе находился в поле интереса начинающего поэта: «В 1913-1914 годах я встречался с поэтом Тихоном Чурилиным, автором книги стихов "Весна после смерти". В стихах его было кое-что сближавшее его с группой кубофутуристов. Он и сам к ним тянулся, но не "дотянулся" и не сталкивался. <...> Чурилин мечтал тогда о создании своей особой группы, поэтической школки, и склонял меня к участию в ее организации. И, кажется, собирался назвать ее "Подвал поэзии", по контрасту с "Мезонином поэзии" Шершеневича. Даже свой манифест-декларацию мне изложил»⁶¹.

Рецензия Шершеневича была опубликована в газете «День» уже после того, как, судя по всему, связь автора с этим изданием была давно разорвана. Инцидент, послуживший причиной обострения отношений между редактором (П.Е. Щеголевым) и критиком, детально описан в монографии В. А. Дроздова [1]. Конфликт разворачивался вокруг статьи В. Шершеневича «Пунктир футуризма» (1914), присланной автором, который незадолго до того получил редакторское согласие не только на рецензирование книг, выходящих в Москве, но и на освещение темы футуризма в «Откликах», приложении к газете. Однако эта статья так и не была напечатана, навсегда исчезнув в редакторском портфеле. По мнению исследователя, Щеголеву не могли imponировать резкие выпады Шершеневича против «критиков футуризма из символистского лагеря», и редактору «пришлось отказаться» от его услуг⁶². Однако на самом деле сотрудничество с газетой, хотя и гораздо позднее, все же продолжилось, и Шершеневич выступил, как и было изначально условлено, в роли обозревателя московской поэзии. Об этом свидетельствует в том числе пропущенная рецензия на «Весну после смерти», которая была опубликована месяцем раньше отклика на «роман в стихах» Л. Столицы «Елена Деева»⁶³.

Причисляя Чурилина вслед за другими критиками к ученикам А. Белого, Шершеневич в своем отзыве попутно высказал и некоторые заветные для себя на тот момент мысли. В частности, он размышлял о «политематизме» как одном из свойств футуристической поэтики. Этот термин критик впервые употребил в 1914 году⁶⁴ и позднее широко им пользовался. Рецензия о Чурилине вошла в круг текстов, где это понятие только начинало разрабатываться. К ним, в частности, принадлежал упомянутый «Пунктир

⁶⁰ Зайцев П.Н. Воспоминания [2, 224].

⁶¹ Об этом, как и о содержательной стороне статьи, а также ее связи с теориями Маринетти см.: Дроздов В.А. *Dim spigo spigo. О Вадиме Шершеневиче и не только* [1, 120–126].

⁶² Рецензия на Л. Столицу (День. 1916. 21 января) учтена в библиографии Шершеневича, составленной Дроздовым [1, 540]. Т.о. появление автора на тех же страницах нельзя рассматривать как случайность.

⁶³ Первоначально в статье «Жюль Лафорг», напечатанной в «Откликах» в начале января 1914 года, Шершеневич использовал понятие «многотемие». По словам исследователя, в статье он впервые формулирует «принцип многотемия в отличие от принципа соподчинения образов лейт-образу» [1, 119].

футуризма» (1914)⁶⁵, кроме того, термин фигурировал в предисловии к сборнику «Автомобилья поступь» (1916) в качестве теоретической оснастки книги и был реализован как поэтический принцип в ее текстах⁶⁶, а также в заметке «Ритм эпох» (критический сборник «Зеленая улица» (1916)). Таким образом, отклик на чурилинскую «Весну...» родился не только в контексте упомянутых критических работ Шершеневича, но и был вдохновлен его собственным поэтическим экспериментом.

Шершеневич упрекал Чурилина в недостаточном «политематизме» и «необразности», как бы намечая для молодого автора перспективы работы над стихом и тем самым приглашая его в свою «армию поэтов». В творчестве критика, кроме прочего, этот круг тем ознаменовал первые подступы к разработке литературной теории имажинизма⁶⁷. Таким образом, полигенетичная поэтика Чурилина, с ее символистскими и футуристическими корнями, послужила еще одним толчком для размышлений о новой поэтической системе.

В рецензии, посвященной Рюрику Ивневу, другому начинающему поэту, Шершеневич писал о подвижности и перетекаемости литературных группировок, как и неопределенности самих поэтических установок, в которых легко было обозначиться даже профессионалу, относя все это к особенностям литературной ситуации: «Для критика подход ко всякому молодому поэту особенно затруднителен в наши дни, когда идет непрерывная переоценка методов творчества и соответственно постоянная перегруппировка поэтов. Я даже не смогу строго определить: чего собственно я требую от молодого зачинателя. Быть оригинальным? <так!> Но нет ничего более неоригинального <так!>, чем быть сейчас оригинальным <так!>. Смешно, конечно, требовать от поэта простоты и ненадуманности, когда знаешь, что сейчас простота – одна из самых вычурных поз. Что же? Быть искренним? Но, право, это дела семейные»⁶⁸.

Именно в этот период создавалось большинство стихов «Весны после смерти», которые, обманывая зрение, могли тем самым открывать новые поэтические перспективы.

Приложение

Тихон Чурилин «Весна после смерти». Стихи. Рисунки Н. Гончаровой. «Альциона». М. 1915. Нумерованное издание.

Имя Чурилина встречается нам впервые. Для критика большая радость встретиться с новым поэтом, и мы с радостью признаемся в том, что эта встреча оправдывает наши надежды. Книга молодого поэта – книга незаурядная и одна из немногих хороших книг стихов этого сезона.

Чурилина следует признать учеником А. Белого и, даже точнее, автора «Урны», ибо методы «Урны» заметно влияют и на манеру Чурилина. Однако это не укор, так как это – почетное ученичество и, кроме того, Чурилин – даровитый ученик. В этом поэте особенно ценным представляется нам то, что у него уже с первой книги есть свое лицо, есть достаточный вкус и хорошее понимание технических задач поэзии. Так, г. Чурилин – один

⁶⁴ Шершеневич В.Г. Пунктир футуризма (Публикация В.А. Дроздова) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 г. СПб., 1998. С. 173–174. Об этой статье как о прототексте позднейших работ см.: Дроздов В.А. *Dum spigo spigo* [1, 120].

⁶⁵ По словам Дроздова, «сборник вышел не позднее декабря 1915 года» [1, 128]. Т.о., это произошло, скорее всего, почти одновременно с появлением рецензии на поэтическую книгу Чурилина.

⁶⁶ О развитии идей, связанных со становлением теории имажинизма у Шершеневича, а также о еще одном понятии («необразность»), которое использовано в рецензии, см.: Дроздов В.А. *Dum spigo spigo* [1, 109–115].

⁶⁷ Шершеневич В. Литературные тени. Рюрик Ивнев. 1) «Пламя пышет». Изд. «Мезонин поэзии». 2) «Самосожжение». Изд. «П. Глашатая» // Нижегородец. 1913. № 260. 22 ноября (5 декабря). С. 2.

из очень немногих, кто понимает задачу и построение аллитерации, магию повторенного звука. При этом у него есть особенное умение скреплять воедино все слова стихотворения; из его песни действительно слова не выкинешь. Вместе с этим мы склонны поставить в упрек поэту его необразность. Отдавая все звуковому строению, г. Чурилин совершенно игнорирует образы. Вот, как образец, стихотворение «Пьяное утро»:

«Слабый свет – и колокола гул. Грустный звон – и вновь громадный гул. – Воскресенье. Неудавшееся бденье, неудавшийся разгул, – крови злой и шумный гул. Я – как страшный царь Саул, – Привиденье... Сухарева башня – как пряник... И я, как погибший Титаник, иду на дно. Пора, давно... – и легко. Кикапу! Рококо...».

Читатель сразу заметит отличный перезвон, построенный на «у» и «е»; в целом пьеса оставляет впечатление, но нам хотелось бы большего политематизма, многотемия, которое придает стихам динамичность, большее движение. Метод повторений, метод неновой (им сильно пользовался хотя бы Метерлинк) – страдает статичностью, что бывало хорошо для изображения тихости, но он недостаточен для дикого, почти ненормального творчества г. Чурилина. Конечно, «Весна после смерти» – только первая книга, и мы не имеем права строго осуждать поэта, несомненно даровитого и сильного. Даже в первой книге мы можем указать ряд прекрасных стихотворений, как, напр.<имер,> Покой, Руина, Один, Былое, Последний путь, Конец Кикапу, Пьяный, В больнице, На ночь защита, Смерть часового, Вторая весна и др.

Книга издана очень хорошо; рисунки (автолитографии) Наталии Гончаровой служат прекрасным украшением [4].

1. Дроздов В.А. *Dum spiro spero. О Вадиме Шершеневиче и не только.* М., 2014.

2. Зайцев П.Н. *Воспоминания.* М., 2008.

3. Чурилин Т.В. *Встречи на моей дороге / Вступительная статья, публикация и комментарии Н. Яковлевой // Лица. Биографический альманах. Вып. 10. СПб., 2004. С. 408–494.*

4. Шершеневич В. Тихон Чурилин. «Весна после смерти» // *День.* 1915. № 360 (1160). 31 декабря. С. 5.

ЭПИЗОД ИЗ ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОМАНА-ХРОНИКИ Т. ЧУРИЛИНА «ТЯПКАТАНЬ»: ГЛАВА «ВАНЬ-ВАНЬ-ВАНЬ – И ТИМКА»⁶⁹

EPISODE FROM CREATIVE HISTORY OF THE CHRONICLE NOVEL BY T. CHURILIN "TYARKATAN": CHAPTER "VAN-VAN-VAN – AND TIMKA"

*Подготовка текста, публикация и комментарии
О.К. Крамарь*

*Preparing for publishing, publishing and comments
O.K. Kramar*

Хранящиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства рукописные материалы [1] дают возможность составить достаточно полное представление о творческой истории романа-хроники Т. Чурилина и, в частности, о тех муках выбора, которые испытывал автор, выстраивая смысловую и композиционную цельность произведения. Если тематическое содержание и порядок расположения первых восьми глав

⁶⁹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14–14–48003.

не вызывали видимых затруднений, то своеобразным камнем преткновения стала для Чурилина девятая глава «Тяпкатани». Количество и характер исправлений, зафиксированных не только в черновых, но и в беловых вариантах, красноречиво свидетельствуют о том, насколько непростым был выбор того текстового фрагмента, который мог бы занять место девятой главы [2]. В одном из «оргпланов» произведения [3] под номером девять значится глава «Вань-Вань-Вань – и Тимка»:

Тяпкатань
русская комедия

Глав.	1	Песня
	2	Слободы
	3	Тяпкатаньский сон
	4	Станции: Рождение – Смерть [4]
	5	Станции: Тракт – Чугунка – Элеватор
	6	Задвиженцы мученики
	7	Трактир анпир и трактир ванпир
	8	Выдвиженцы
	9	Вань, Вань, Вань и – Тимка
	10	Декабристы
	11	Свадьба и смерть Тарелкина [5]
	12	Назад пятками [6]
	13	Захирение. За штат
	14	Пятки вперед [7]
	15	Тяпкатань – Москва
	16	Жар-жизня! [8]

Принимая во внимание то обстоятельство, что зафиксированные в «оргплане» наименования и порядок расположения глав максимально приближены к наименованиям и порядку расположения глав, принятым в авторизованной машинописной копии романа [9], можно с большой степенью уверенности говорить о серьезности намерений Чурилина по включению главы «Вань-Вань-Вань – и Тимка» в художественное целое «русской комедии». Этого, однако, не произошло, глава не была включена в подготовленный к публикации текст и осталась лишь эпизодом из творческой истории «Тяпкатани».

Завершенный в сюжетном и композиционном отношении, пронумерованный и озаглавленный текстовый фрагмент «Вань-Вань-Вань – и Тимка» в упомянутом выше «оргплане» располагался между главами «Выдвиженцы» и «Декабристы», и в этом композиционном решении просматриваются определенный смысл и определенная логика. Глава «Выдвиженцы» рассказывала о талантливых людях, чья известность вышла за пределы их «малой родины», небольшого купеческого города Тяпкатань (так в романе именуется чурилинская Лебедянь). Сферой приложения творческих сил героев этой главы были наука, литература и искусство. Что касается главы «Декабристы», то в ней тема «выдвиженцев» решалась в ином идейно-эмоциональном ключе: предметом авторской рефлексии здесь становятся деяния «могучей кучки» руководителей «декабрьского восстания» 1905 года в Тяпкатани и ее окрестностях. Смысл «промежуточного» характера главы «Вань-Вань-Вань – и Тимка» уточняется содержанием чернового наброска, зафиксировавшего списочный состав тяпкатанских «выдвиженцев»: две итоговые позиции в нем занимают «Федюньчиков Иван, студент, мужичок из Доброго-села. Прямо политический теперь» и «Чудилин Тимка, попровизорский вы<...>док, поэт и ученый вед, коммунист» [10]. Таким образом, один из героев главы был призван с большой степенью наглядности завершить линию тяпкатанских «выдвиженцев» от литературы, стать ее яркой пуантой, другой – обозначить, наметить линию тяпкатанских революционеров,

«выдвинутых» политической историей страны. Подобная «буферная» позиция главы имела очевидные плюсы и еще более очевидные минусы. С одной стороны, задуманная глава позволяла рассмотреть «историю города, народа, рода» в едином тематическом и жанровом контексте. С другой стороны, она явно уничтожала предполагавшуюся смысловую симметрию: автобиографический герой по масштабам своей личности безоговорочно уступал своему оппоненту еще и потому, что его сюжетная линия ограничивалась поступками и возрастными характеристиками недостаточно успешного в обучении десятилетнего гимназиста и потому не давала возможности для презентации скрытых до времени талантов, а это явно противоречило глубинным расчетам писателя. С одной стороны, описание полной опасности жизни одного из тяпкатанских революционеров в главе «Вань-Вань-Вань – и Тимка» готовило появление крупных психологических планов в главе «Декабристы», повествующей о том, как «озоровал» в Тяпкатани 1905 год. С другой стороны, подробное изложение истории одного из «революционеров», предваряющее появление большого количества массовых сцен, могло, если не уничтожить, то значительно ослабить динамическую насыщенность главы «Декабристы», тем более что «подвиги», совершаемые героем главы «Вань-Вань-Вань – и Тимка», хронологически были весьма далеки от той почвы, на которой действовали чурилинские «декабристы».

Возможно, именно поэтому, готовя роман к перепечатке, писатель отбраковывает главу «Вань-Вань-Вань – и Тимка», а освободившееся место девятой главы отдает главе «Декабристы», следующей непосредственно за главой «Выдвиженцы». Впрочем, не исключено также, что поводом для принятия подобного решения могла стать бросающаяся в глаза искусственность объединения разных художественных практик и разных художественных решений в пределах одного текстового фрагмента: насыщенная деталями, яркими бытовыми подробностями, живым разговорным языком первая часть главы, повествующая о жизни купеческого дома Чурилиных (в романе – Чудилиных), предельно резко контрастировала с безжизненными, сухими, схематичными описаниями действий лишенного плоти и крови героя, воспринимаемого как некая сумма расхожих представлений о профессиональном революционере (существование под чужим именем, жизнь в подполье, хранение нелегальной литературы, распространение листовок, напечатанных в подпольной типографии, специфический тип поведения, неизменное лицедейство, отказ от личной жизни и человеческих привязанностей, аресты, ссылки и т.д.).

Все это, однако, не лишает главу «Вань-Вань-Вань – и Тимка» ее важнейшего функционального потенциала – быть ценным источником сведений об истории создания произведения, о специфике авторского мирообраза, об особенностях творческой лаборатории писателя.

Глава «Вань-Вань-Вань – и Тимка» публикуется по рукописи, хранящейся в фондах Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 1222. Оп. 1. Ед. хр. 40. Лл. 151–157).

При публикации главы «Вань-Вань-Вань – и Тимка» максимально учитывались особенности графического оформления оригинала, сохранялись авторская орфография и пунктуация.

1. Материалы, имеющие отношение к роману Т. Чурилина «Тяпкатань», сосредоточены в четырех архивных папках общим объемом в 1055 листов (РГАЛИ. Ф. 1222. Оп. 1. Ед. хр. 39 – 41; Ф. 1222. Оп. 2. Ед. хр. 15).
2. Этим порядковым номером в рукописях отмечены три главы: «Декабристы», «Вань-Вань-Вань – и Тимка» и незаконченная глава «Эстеты» с двумя разными подзаголовками: «Эстеты, или история о людях в живом и мертвом П а н о п т и к у м а х в г. Тяпкатани» и «Эстеты, история о людях вроде булок и пирогов с Четьи-Минеиной Прочинкой».
3. РГАЛИ. Ф. 1222. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 1.
4. В этой строке зафиксирована авторская правка, в результате которой пункт плана читается так: «Рождение-Смерть – Станции».

5. Этот пункт плана контаминирует названия двух пьес А.В. Сухова-Кобылина: «Свадьба Кречинского» и «Смерть Тарелкина».
6. Поверх зачеркнутого пункта: «Назад пятками» рукой автора вписан новый: «Пятки вперед!». Зачеркнув и эту формулировку, Чурилин позже вернулся к первоначальному варианту: «Назад пятками».
7. Первоначальный пункт плана вычеркнут и заменен пунктом: «Назад пятками». Позже автор вернулся к первоначальному варианту: «Пятки вперед!»
8. Название «Жар-жизнь» имеет одна из не опубликованных при жизни Чурилина поэтических книг. Сборник, включивший в себя стихотворения 1931 – 1932 годов, в 1932 году был принят к печати издательством «Советская литература», но ни в этом году, ни позже издан не был.
9. Машинописная копия романа Т. Чурилина «Тяпкатань», представляющая собой лишенный промежуточных материалов единый, цельный, завершённый текст с пометами и правками автора, хранится в фондах Литературно-художественного музея города Старый Крым (СИЛМ КП 906).
10. РГАЛИ. Ф. 1222. Оп.1. Ед. хр. 40. Л. 126.

Вань-Вань-Вань – и Тимка

Т.П.Г

– Еще две проемназических пряжки [1] на пузах: Федюнчикова Ивана и Чудилина, Тимона [2]. Одно пузо – девически впалое – Вань-Вань-Вани, другое – сороковедерная бочка-пузень. Пряжки – одинакие, посеребренные-медные, у Керосинского игрушечника куплены за восемьдесят девять коп. каждая – без почета. Тресни пузо гимназиста! = Тяпкатаньская Проемназия Городская тожь [3].

– Кха, кха, кха, этто, ддда, Чудилин Тииманн! Скажи-и, что-ддда, отьц-у-у, кьххо, кхарк, сморк, – ттебез-э, этто, ннад-да – репеть-титоа-рраа. Ннна дддоом. Д-дда, этто!!

Кольбасу-у ж-жратть в-вместте кхг, кгарк, тьфу, сморк.

– Сайдитесь, кха, кггха, кхарк, сморк. Этто, ддд-да, ссайдитесь, ссасай, кхе, дддтсь! Ссиггарр-у упф? Ваш-ш-шему ссыну, Чудиллинну Ттомону-у этто, над` – ррепеть-ттитор! Нна – дом. Мми нааазначьил ваам, ддда! – этто – Ффэдьюнчикков Ивван! Этой дда, кгга, кхарк, сморк, отшень способни мальшшик.

– Ннно! надо – жиить – у, этто, ддда – ввас! И кушанье и квартира, этто, ддда, – ваши.

– Нушкштошь, асподин дирехтор мновожамый Вичислафедрыч! [4] раз надо – исделаимс! Пффф, пффу – цигарка с – отменная с! – Кха, кгга, кхга, сморк – Отшень ррад! Я распоряжуюсь! – Чччесть иммею ппожилатьс! – Отшень ... отш ... досвидань! Сморк. Ккрха.

– Уммг, – гаааа – ммм – мма-а, к ннаммм ничавво-о, ммм, уммм, – жывыи-и-и!! Ммм – мму, умччч, мгггу-у-у, ммм ... – привет Мариванны [5], тетки, глухой мычавы, старухи-видьмы. Облизан бысть Федюнчиков Иван, старухой-коровой-мычавой-видьмой.

– У нас жить буди-ишь. Нушкштошь, разбирайси, Вань, Вань, Вань, – с Тимоичк`т тебе куды кык в раю, осподи, Суси, болдародца казанскья владышща _____

Привет № 2 ой от няни старухи видьмы [6].

– Вань! Вань! Вааань – Урррр-рр-а-а! Зажжи-ивем!

– привет № 3 – Тимки

и _____

– Ты чеи будишь? Из Добрыву [7], а-аа, кха, кхэ ... Нну, в добричас, ниччаввао, с Тимоичк`т` висилий-э-с вам будить, Вань, Вань, Вань.

– Привет № 4 от Надежьвасильн скилетной старухи видьмы Чудилинского додому [8].

Заживанция!!!

– Нну, даввай пперевод, Тима!
– Ладн! – Пиши – Ки-ир – цаарь – Пирситски-й ...
– Ладн ... – Ти-имка, чевошь ты написал? – Чегошь? –
– Да: Пис-карь ... кирги-сский кахахахи-и-и Тим, Тим, Тим, чегошь-т? – Вань, Вань, Вань, как хихи – пис ахха-хха пискарь, кирхисский ты!
– Аххахи оххи и-и-и!
И перевод – и диктантус были малес [9], а не бене с-с [10], потому что ... потому что в десять лет учиться скучно-о!
А не скучно было:
– Вань, Вань, Вань?? – Что-о, Тима? – Поедем, кататься? – Да, Тимочька – а перевв...
– Вань, Вань, Вань, ммы поидим во реза-аа-ань, богу малитьсааа, чоорту пыкладитьсааа [11] – Д` вот я репетиитт ...
– Д` вот.. Да вот – Ела, ела дуп, дуп, и сломала зуп, зуп. Хихохахи –
– Ну ладно – Игнааат ... – Счас ...
И вот – рррозвальни. И вот – Доримидонт, рыжжегнейдой мерин (как хозяин, Василиськиваныч [12]). И вот – невяская [13] в руках Тимки заливается матерински, сладкоо [14]. И вот – Задняя улица [15]. Вот фонарики, сударики, суда, суда, суда [16]! Вот домики, как норики, как низкие суда!
Скrrrrrrrrr скрыыы ... Ганор аааа .. а-а-а-а – трарарара-ааа ...
И на передке саней Федюньчик Вань, Вань, Вань. Встань как лист перед травой [17], ай да гои, оо, да спой.
И встал мал Федюньчик Вань, Вань, Вань перед травой, перед жизнью самой, ой, вотс какс!

1. Вылет с кондибобером [18]

– Ррребб! ... Я нни мааггу –
– Ды чево ни можж?
– Дд` вить – Тимк т`, ончутка – прям чорт! –
– А чиво-ооо? ... – Д` вить, только и дел – либ вола крути-и-ить [19], либ прозззу ему чти-и-и: Пушкин да лигушкин, Лермонтов д` бис партов, бигай с ним: впиригонк!
– Нук штошь – тебе что-оо-ааа, жри, д` какай – Дда – сказаал!! а рипититство-о?
– Ээ-еехт` сооовисть –
– И Федюньчиков, Иван нагрузив карман доброхотом Мариванны с треском и кондибобером вылетел из додому – прямо в жиизнь:

2. В лед – бобром!

Вылет из додому с кондибобером в жизнь, в жизнь! А жизнь-жестянка прозвенела так:

1905 г. Декабрист Федюньчиков один из главарей Тяпакатаньского декабрьского восстания [20] по ликвидации сего, высылается брутто в Нарымский раевый край – в лед.

1906 г. – Федюньчиков Иван бодро бобрится в Нарыме во льду, как Бахметьевская славная рыбка – анабиотик.

1907. Весна! Выставляются первые рамы [21] и в комнату в Москве – врывается бобер Вань, Вань, Вань, – с сединой и бородой, не простой, а подпольной, ой, ой, уй.

1908 – Шаша Корчагинский, рыжий с проседью бобер (он ж Вань, Вань, Вань) назначен – заварочивать мануфактуру в бумажку-с, – и он ж – Член Правления О-ва Прикашчиков г. Москвы – и он ж, ччорт его побери – ел, ел, ел дуб не испортил зуб, зуб: он

ж член подпольной РСДРП(б) заворачивает там такую-с мануфактуру-с – что Лихов переулок [22] скрипит зубами, Гнездииковский [23]– тоже, а ему и горя мало, чтоеээ-э!!!

1909 г. Александр Васильевич Корчагинский – одет прилично, рыж-седо отлично, квартира – две комнаты с кухней – а в ванне и уборной типография с географией – тайнообразующе.

1909.

Дорогой Александр
Васильевич

Спешу ответить вам, чтобы одобрить ваши планы, не схематические, а жизненно реальные и благословить на дело. Схемы к жизни! Не повторяйте, как и раньше не повторяли, ставшие безмыслены слова.

Ваш

Н. Ильин [24]

1910.

Совершенно
секретно

МВД.
начальник
охранного
отделения
№ 000725
1910 г. февр. 5
г. Москва

Его Превосходительству
г. Полицмейстеру
Москвы

Честь имею предложить
В. Превосходительству
циркулярное распоряжение
о повышении бдительности сил
столичной полиции в отношении проэктируемых нами
мероприятий, о которых Вы уже мной поставлены
в известность.

Начальник Охранного отделения
Ф. Мерзавцев-Гадский
Управляющий Делами
Полковников Втуневцов

Служебная

Москва Козицкий пер. д. Бахрушиных
кв. 182 Корчагинскому

Вызывается на 25 марта с.г. к 8 ч. вечера в М. Гнездииковский пер. д. №№
ком. 13. Явка обязательная.

Комната 13.

– Ввввы ккка мнеээ-э?
– Дык ия прислуга ихняя, агмжаа
– Каааавво? Ды Корчагинской баринь т` – Я вы-зы-вал е-го! Где? – Д` ктошь ивво
знае! Он, видн, вашбродь, – лацацы ддал [25].
– Ккак? – А чегожь ты т` смотрела, а, мать, мать, мать, а! Небось деньги умеешь
братъ.
– Д` вот я пришла, значит, ет и сказать – латцецу задал, знамо должно – Пошла вон!
Хлоп, стук, туп, туп. – Дррриннь – Чево извольт!? – Вызвать сюда Дырова и Щелева –
– Слушсссс!!!

1911.

– Одначччч и ччортт т`тьфу, ббrr

– Ачччттт`? – Ачччтттто! Ачпхи! Апччч-хххе, пфффр, шмяк, шмяк холлллл-д`д` д`-нно, а ён, чччортт не нннашшш, низвестна, тут – не тут, папирос е? – Этт – е, а вот аржанов маслица [26] у те – е? – А что сам т` гаварилл –дрррдддт`на курсах – забыл: ешли, говрит, я говрит – стоп: Огнянник т` [27], кажись, вышел нук, лет-т-ти ... – И то! – Топ, тупс, топ, тупс – пшли! – Агм, кха, кха, разрешьтес покурнутьс отс вас? – Нател! – А, чччорт, д`ет – ты Шмыгило – Хи, хи, хи, хис! – А то! а вы, значит, хо, ху, ху, ху – и меня, эдак-дак – пожалте? а! ху, ху! – Да нук, идди к е! е! е! е! – точь кинкурентт ... Ну ни проклятушшш.. ну ни Огнянник, ет, чччортт! ..

– Ог ня-н-ник! – а ет – хто-о?

Ах, ммм ... – ах ммм ...! Ет уш нээт, моя добыча – нук к е! топ, тупс топ, тупс, тупс, топ ...

И через час:

– Агмкха! Вы ни господина Карчагинсково ишшите-е? – Что тако-о-о-е? – Ничего с. Позвольт документик – Нател – ббббах, бббах, ааахх – бах!!! – Уиии-и! и-и-и, держжи – иии тттрррррррр!! Фррррррр-рь-рррр!! .. – Держжж! дддьявалл – уйдеоотть!!!

– Бахх-бух-бббах-бащ!!! – Эггг-е-е! В ношку-с! Нничеввоо-о! Из-воз-чччикк! Нук, даввай, давв ...!!!

– Есть, есссс ... – Нук, Гнездниковскоой, быстррр-ра!! – Ннно-о, нноооо, но! Ноо-о-о!! чччортт!!!..

И господин Корчагинский через 2 месяца поехал бесплатно и уютно в Минусинск.

1. С упоминания о принадлежности к городской прогимназии, закрепленной использованием графического символа Т.П.П., в романе Чурилина начинается рассказ практически о каждом из тяпкатанских «выдвиженцев».

2. Под этим прозрачным именем выступает автор романа и один из его главных героев Тихон Васильевич Чурилин. Ср. в неопубликованной автобиографической повести Чурилина «Тайна»: «...Тимон, Тимоном именовался, именем редчайшим, древнейшим, – таково желание матери его было, бедной белой голубки горемычной горькой» (РГАЛИ. Ф. 1222. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 13). Этот фрагмент из повести «Тайна» был опубликован Н. Яковлевой в ее вступительной статье к мемуарной книге Чурилина «Встречи на моей дороге». См.: Чурилин Т.В. Встречи на моей дороге / Вступ. статья, публикация и комментарии Н. Яковлевой // Лица: Биографический альманах. 10. – СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2004. С. 411.

3. Послужившая прообразом Тяпкатанской городской прогимназии Лебедянская мужская прогимназия была открыта в 1876 году. Т. Чурилин поступил в прогимназию в 1894 году, но не окончил ее по причине болезни.

4. Под этим именем в публикуемой главе фигурирует инспектор Лебедянской мужской прогимназии статский советник Вячеслав Федорович Валеvский. Фамилия В.Ф. Валеvского в разных фонетических вариантах неоднократно появляется на страницах романа «Тяпкатань».

5. Мария Ивановна – сестра хозяина дома купца В.И. Чурилина, персонаж многих автобиографических произведений Т. Чурилина.

6. Няня Т. Чурилина – Марфа Никитична, самый близкий после смерти матери человек, сквозной образ всех автобиографических произведений писателя. Является одним из адресатов посвящения к прозаической «поэме» Чурилина «Из детства далечайшего».

7. Доброе – село, расположенное на берегу реки Воронеж, примерно в пятидесяти километрах от Лебедяни.

8. Надежда Васильевна («Надежда надеждинская», «Надеша-шкилетная») – горничная в «купецком» доме Чурилиных, сквозной персонаж автобиографических произведений Т. Чурилина.

9. Male (лат.) – плохо.

10. Vepe (лат.) – хорошо.

11. Ерническая парафраза детской заклички «Дождик, дождик, перестань...»

12. Так в главе именуется юридический отец Т. Чурилина, представитель богатой купеческой династии Чурилиных, «водочник-складчик-трактирщик» Василий Иванович Чурилин. Детализированное описание внешности В.И. Чурилина («Василиск был рыж и раж, но косолап, телом

бел. рылом – копия Никола Мирликийский чудотворец») содержится в первой главе романа «Тяпкатань» «Событие первое. Песня». См.: Чурилин Т.В. Тяпкатань, российская комедия (хроника одного города и его народа) / Подгот. текста, комментарии и примечания О. Крамарь. – М.: Гилей, 2014. С. 23.

13. Гармонь небольшого размера, в усовершенствовании которой принимал участие знаменитый русский музыкант-виртуоз П.Е. Невский. В первой главе романа «Тяпкатань» название гармони сопровождается эпитетом «дамская».

14. В романе «Тяпкатань» неоднократно описываются красота и необычайная музыкальная одаренность матери писателя Александры Васильевны Чурилиной, ушедшей из жизни, когда сыну было девять лет. См. в одном из черновых набросков к произведению: «...Была выдающейся музыкантшей на гармониках всех систем мира и красавицей, подобной женищинам Тициана, Веласкеца и известнейшего русского художника Бродского (РГАЛИ. Ф. 1222. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 107).

15. На официальных картах Лебедяни улица Задняя не зафиксирована. В разговорном обиходе это название закрепилось за одной из пяти прямых, широких, расположенных параллельно по отношению друг к другу, улиц (Набережная, Средняя, Большая, «другая Средняя», Задняя).

16. Отсылка к заглавному образу стихотворения И.П. Мятлева «Фонарики».

17. Аллюзия на сказку из русских народных сказок.

18. Быть изгнанным решительно и безоговорочно.

19. Вола крутить – значит, «проводить время в бессмысленных или бесцельных занятиях». См.: «Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова.

20. Имя «декабриста» Ивана Федюньчикова (Федюньчиков) неоднократно появляется на страницах романа «Тяпкатань» (главы «Слободы», «Вывиженцы», «Декабристы»), однако никаких документальных свидетельств, подтверждающих существование реального прототипа героя, в фондах Лебедянского краеведческого музея и в исторических источниках обнаружить не удалось. Невозможность однозначного комментария обусловлена еще и тем, что в одних текстовых фрагментах герой характеризуется как выходец из «Доброго-села», в других – как выходец из Стрелецкой слободы города Лебедяни. Это позволяет предположить, что в данном случае Чурилин создает некий усредненный вариант образа профессионального революционера, опираясь при этом не столько на фактологически подтверждаемые данные, сколько на легендарную составляющую биографий деятелей революционной эпохи. Основанием для предположения о том, что образ «тяпкатанского» героя имеет отнюдь не лебедянского происхождения, может послужить также конспирологическая семантизация лексической цепочки: «кондибобер», «кондибобером», «бобром», «бобрился», «бобер», осуществляемая Чурилиным в таком объеме и с такой настойчивостью, которые непременно заставляют вспомнить о знаменитом «бобрике» А.Ф. Керенского. Дополнительным аргументом в пользу предположения о возможном присутствии Керенского в творческом сознании Чурилина являются упоминание о том, что революционная «могучая кучка» в Тяпкатани «почти вся» состояла из эсеров (глава «Декабристы»), и ироническая расшифровка «пяти букв» в главе «Радостное утро»: «...РСФСР Растерянно Сияет Федот-Социалист-Революционер. Федот, да не тот. ТОГ нерастерянно организует свой класс, рабочую силу. Этот – разливается мыслью по древу, забывая, что слово – олово и, растопив его, не следует забывать, что оно – горячее-пламенное и может обжечь на смерть не только дерево, но и сердца людей». В контексте интересующей нас проблемы весьма примечательным кажется тот факт, что в завершающей «Тяпкатань» главе «Радостное утро» в качестве главного (единственного главного!) героя выступает автобиографический герой, «выдвинутый» и литературой, и революционной эпохой.

21. Аллюзия на стихотворение А.Н. Майкова.

22. Косвенную информацию о Лиховом переулке как о месте проживания начальника Охранного отделения А.П. Мартынова дает книга А.И. Солженицына «Красное колесо».

23. В Большом и Малом Гнездиновских переулках находились Сыскное и Охранное отделения московской полиции.

24. В. Ильин – один из многочисленных псевдонимов В.И. Ленина.

25. Дать (здать) лататы – поспешно бежать, спастись бегством.

26. В воронежских говорах «ржаным маслом» называли водку.

27. В фольклоре южнославянских стран огняк – это крылатый дракон, полет которого ассоциируется с разрядом молнии. В данном случае речь, скорее всего, идет о партийном псевдониме.